403/К
А 3602 Рос 4-4/1-857

КАЗАКИЯ

ДОНСКОЙ АРХИВЪ
ДОНСКОЙ АРХИВЪ
26 Сент. 1926 г.
№ 303

1936

9 (15)

Центральный Государственный архив Октябрьской Революции и соц. строительства СССР
ф. № 7030 оп. № 3 ед. хр. 2140

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Ш. БАЛИНОВ: СМЫСЛ ИСПАНСКИХ СОБЫТИИ

ОТДЕЛ НАУЧНЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

2. ДР. С. А. ФЕДОРОВ: Казачья нация (Сословие ли Казачество).
3. П. С. ПОЛЯКОВ: Казачество в СССР. (Сталинская ласка).
4. Инж. В. Г. ГЛАЗКОВ: Советская заработная плата и цены.
5. А. В. ЛАВРУХИН: Нация, как духовное единство.

ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

6. Я. И. ЛОПУХ: Казачество и значение слова — казак.
7. А. Н. ТРОФИМОВ: Степан Тимофеевич Разин.
8. Проф. Ф. А. ЩЕРБИНА: Пережитое, передуманное и осуществленное.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

9. НИКОЛАЙ КЕЛИН: Письмо дедушке (стих.)
10. М. С.: О Родном Крае (стих.)
11. С. БАЛЫКОВ: Бабушкин перст (рассказ).

ЖИЗНЬ КАЗАЧЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ

12. Я. ЛОПУХ: Культурная работа казаков эмигрантов.

ОТКЛИКИ

13. С. САВЕЛЬЕВ: Новый спаситель России.
14. А. ЛЫСЕНКОВ: С протянутой рукой.
15. МИХ. ЛАЗАРЕНКОВ: Казачий голос на „Голос России".
16. П. КУДИНОВ: Обращение.
17. ЛЫКОВ Б.: О белоруссах.
18. ИВ. МИМОХОДОВ: Похоронное бюро.

Журнал „Казакию" можно получат:

1. В. Париже у Балинова: 7, Rne Cemin Creux. Ioinville le Pout (Seiue)
2. В Берлине у Овсяника: Konigin Elisabattisstr 41. Berlin Charlotenbnrg.
3. В Праге д-р Федеров: Iaromirova, 456. Praha — Nusle Udoli.
4. В Братиславе у Балыкова: Rusova doliua, s 199.
5. В Брно инж. Запорожец: Krkoskova, 29. Brno — Husosice.
6. В Польше у инж. Тулаева: Wilno, Pielkielko, 7 m 1.
7. В Белграде у Е. Перфильева. Донска ул.3 р. 1.
8. В Лионе у Хорунженко, 82, av. Sidoine Apollinaire. Meisôn O. Luon (Vaise)
9. Казаки из всех других стран могут выписывать прямо из издательства и склада: София ул. Царь Симеон, 5. П. Н. Кудиновъ.

ОТ РЕДАКЦИИ К СВЕДЕНИЮ СОТРУДНИКОВ:

1. Неприятые рукописи возвращаются только при условии оплаты автором обратной пересылки.
2. По поводу ненапечатанных материалов редакция не может давать авторам об'яснений.
3. За напечатанные материалы редакция не имеет возможности платить гонорары.
4. Ввиду того, что редакция не располагает достаточной рабочей силой, покорнейшая просьба — присылать чисто, разборчиво и на одной стороне листа просторно написанные рукописи.

Подписную плату за журнал, как и случайные выручки за отдельные номера его, нужно посылать ред. Балыкову. Из тех стран, откуда нельзя посылать деньги, расчет производить купонами международного почтового союза. Так как эти поступления являются единственным видом вознаграждения нешего редактора за его труд, то просьба ко всем — быть аккуратными в расчетах. Адрес: Balykov, Rusova, dolina 199. Bratislava. Tchocoslovaquie.

Центр. Правл.

Печатница „Добриновъ" София, бул. Дондуковъ № 43, телеф. 2-50-88

Рос Ч-4 / 1-857

КАЗАКИЯ-КОЗАКІЯ-KOSAKIA

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

под. редакцией: С. БАЛЫКОВА, Г. ЕРЕМЕНКО и Ф. ОБОЛЕНСКОГО

№ 9 (15) Сентябрь 1936 года. Болгария, София, Царь Симеон, 5 № 9 (15)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ... ОТДЕЛ ... 64.342

Передовица.

СМЫСЛ ИСПАНСКИХ СОБЫТИЙ

Мы неустанно утверждали элементарную истину,

1) что с момента утверждения власти большевиков в СССР, по воле и методической работе последних, происходит в мире огромный процесс деления его на два враждебных лагеря — лагерь коммунистический и лагерь антикоммунистический;

2) что между ними не может быть мирного „сосуществования", как говорили некоторые, прикидывающиеся наивными людьми политические деятели;

3) что все огромное богатство СССР, вся живая сила его населения, мускульный и умственный труд последнего огнем и железом выколачиваются для одной и единственной цели — для внесения морального разложения повсюду, для сеяния смуты и разжигания мирового пожара во имя установления диктатуры пролетариата во всем мире;

4) что все так называемые отступления и „зигзаги" компартии, дававшие повод к преступным, с точки зрения мирового благополучия, разговорам есть всего лишь политический маневр, тактические мероприятия, шедшие на пользу все той же цели — мировой революции, что такъ цинично-откровенно было официально подтверждено на последнем 7-м конгрессе III интернационала;

5) что красная Москва есть источник заразы и смуты мира, страшная угроза для всего небольшевицкого человечества и, не будь в 1918—20 годах сопротивления Польши на западе и даухлетнего „казачьего барьера" на юге, красная волна уже тогда могла захлестнуть Европу, ослепленную своим необоснованным культурным имунитетом от большевизма, усталую и расслабленную во всех отношениях после 4-х летней Мировой войны. Эта же красная волна через двенадцать лет снова могла захлестнуть Европу не родись ныне непреодолимый „немецкий барьер" на победном пути русского большевизма.

К несчастью, здравый смысл, живой голос людей, не оторванных от грешной земли, на собственном горбе испытавших чудовищную суть русского большевизма, безнадежно тонул в громком хоре мировых бездушных научных мумий, в тех или иных статьях международного права, въ той или иной философской системе или политических доктринах, искавших оправдания большевицкому надругательству над всеми божескими и человеческими законами. По их старческому научному сквернословию выходило, что большевизм в России был неизбежен, как неизбежно его превращение, путем пресловутой эволюции, в нормальную демократию. Лишь бы не трогать большевиков!

Опять таки, к несчастью всего небольшевицкого человечества, простым глазом видимое деление мира на два лагеря, многие старались не видеть, в силу чего, до самого последнего времени, на мировой политической сцене активной действующей стороной оставались большевики пользовавшиеся всеми возможными и невозможными средствами для подтачивания и разложения извнутри небольшевицкого мира.

Понадобилась испанская резня, долго и методически подготовлявшаяся и, наконец, приведенная в исполнение агентами красной Москвы, III интернационала, чтобы только в некоторых кругах начали сознавать грозную красную опасность, нависшую над миром.

Испанская резня есть последняя ставка красной Москвы для завоевания Европы. Это есть „решающее звено подготовки трудящихся к предстоящим великим боям второго тура пролетарских революций", — как читаем мы в постановлении УП конгреса III интернационала; это есть попытка „разрушить крепость капитализма и добиться победы социализма во всем мире . . . превращение их (постановление УП конгреса) в плоть и кровь миллионов трудящихся", как говорил на том же конгресее III интернационала сегодняшняя правая рука самого Сталина — болгарин Димитров.

Красный империализм, в своем поступательном движении на востоке наткнувшись на непреодолимое сопротивление Японии, на западе — на немецкий барьер, внутри переживая огромные политические и хозяйственые затруднения, желая укрепить свое положение новыми достижениями на западе, жертвой своей избрал Испанию, ныне купающуюся в горячей крови своих патриотов. Москва чувствует и понимает, что время перестало для нее работать. Видит, что период, когда она одна являлась активно действующей силой на арене мировой политики, отошел в область истории, что процесс деления мира на два лагеря уже закончился, что противная сторона, до сих пор ведшая себя пассивно, с'организовалась и на сцене заняла подобающее ей место. И она поспешила, чтобы столкновение, могшее случиться на территории СССР, отвести в иное, испанское русло, чтобы чужими руками легче загрести жар.

То, что сейчас происходит в Испании, в миниатюре есть то, что должно случиться в мировом масштабе. Это есть неизбежное столкновение двух миров — коммунистического и антикоммунистического. И мы ни на одну минуту не сомневаемся, что как в испанском примере, так и в мировом масштабе, исход столкновения будет один: коммунизм, несущий с собой духовное разложение и материальную нищету, будет разбит. Мир успокоится, человечество облегченно вздохнет.

Что в Испании столкнулись два мира, две идеологии, а не простой бунт мятежных генералов, как твердят господа демократы, подтверждается тем, что симпатия и антипатия к испанским событиям происходят не по линии государств и народов, а именно по линии идеологии. Напрасно господа „законники" упирают на законность мадридского правительства и на этом основании требуют поддержки Мадрида, в лучшем случае добиваются нейтралитета. Там, где орудует красная Москва, не может быть и речи о каких то законах и морали. А в том, что там орудует Москва не может быть никакого сомнения. Лишь оголтелые лицемеры могут писать, что Москва искренно присоединилась к предложению Франции о нейтралитете в испанских делахъ. Ибо с первых же дней Москва приняла открытое и активное участие в испанских событиях: насильно обложила свое подневольное население „полупроцентным испанским налогом" и ежедневно отправляют миллионы своим испанским агентам.

Сейчас по миру гуляют два термина „коммунизм" и „фашизм". По злой воле большевиков, последнему придан какой-то ругательный оттенок. С ишачьим упрямством третьи противопоставляют им свою универсальную демократию. Мы ни те, ни другие и ни третьи. Мы просто за минимальную человечность и справедливость в человеческом общежитии. Как называется то наше скромное желание — мы не знаем. От коммунизма мы органически отталкиваемся. Пресловутой европейской демократии мы просто боимся, ибо она везде и всюду является прекрасным большевицким трамплином к власти. Так было в России, после „керенщины"; так было в Италии, где, не будь Муссолини, несомненно тризну справлял бы коммунизм; так было в Германии демократической, где не появись настоящей власти,, создан был бы красный европейский плацдарм, в демократаческой Чехословакии большую роль играют коммунисты; в социалистическо-демократической Франция количественно незначительная коммуунист. партия играет доминирующую роль. Наконец, испанские демократы привели свою страну к сегодняшней испанской резне. И мы говорим: Боже, упаси нас от такой демократии! Но мы и не фашисты по той простой причине, что, в сущности говоря, такого учения не знаем.

Сейчас, начиная от бездушного книжного старыа и кончая сопливцем мальчикшой твердят, что в Испании бьются демокрития и фашизм, а мы там видим борьбу коммунистического разгула с началом порядка и долга.

Если избиение мирного населения, убийства и издевательства над несчастными монахинями, уничтожение всех церквей, убийства служителей религии, выкапывание из могил священников и надругательства над их засохшими трупами и т. д. и т. п. называется демократией, то мы отказываемся от нее. Если, съ другой стороны, защита чести Родины, жертвенное служение своему Отечеству, чувства чести и долга, защита спокойствия и порядка называется фашизмом, то мы такого фашизма не боимся.

Повторяем, в Испании происходят не внутренние события, не очередной переворот правительства, а происходит столкновение огромной важности. Не даром сейчас все мировое внимание сосредоточено на испанской точке. Происходит не бунт генералов, а осуществление заранее подготовленного и детально разработанного плана красной Москвы. Недаром коммунистами распространялась географическая карта, где Франция и Испания обозначены советскими республиками, включенными в общий СССР.

Потому, поражение Мадрида будет в то же самое время и поражением красной Москвы, а всякое поражение Москвы, где бы оно ни произошло, несомненно приближает к нам час освобождения угнетенных народов СССР и несет успокоение мира. Этим должно определяться и позиция казаков-националистов во всех мировых событиях.

Да здравствует право и порядок!
Да восторжествует правда и честь!

Шамба Балинов. (фр.)

Д-р С. Федоров (ЧСР.)

Казачья нация.

(Сословие ли Казачество?)

Чем же является по своему существу Казачество?

В самый термин: казак, казачество, вкладывался и вкладывается обыкновенно различное содержание, в зависимости от времени и политических настроений. Для одних это было своеобразной профессией подобной промыслу, для других — личным переживанием военного свойства, для иныхъ — историческо этнической средою, третьи понимали и как военное сословие, четвертые—определяли как неразрывную часть крестьянства, пятые подводили казачество под какую то политическую партию, следующие — как религиозный орден, иные говорят о казачестве как об этнографической смеси и т. д. и т. п.

И все эти определения для казачества, как такового, никакой исчерпывающей цены не имеют и иметь не могут. Такое разнообразие определений понятно, ибо периодические разнообразныя проявления казачьего быта, на протяжении веков, не имеют примеров и аналогий для сравнения их по признакам всеобщей истории.

Самый вопрос, *что* такое Казачество, можно рассматриват с исторической, этнографической, политической, социальной, догматической и иных точек зрения, но ни одна из них не исчерпывает всесторонне существенного признака Казачества.

Термин „Казачество" сводится к одному обобщающему понятию, к такому понятию, которое совокупляет в себе все частичные признаки и тем определяет свою самодовлеющую сущность, как самобытной среды.

Для государственного сожительства Казачества и России, в известных условиях прошлой жизни, достаточно было определять казаков по тем признакам, которые соответствовали данному политическому или социальному положению Казачества в отношении России. Теперь этого не достаточно.

Никто не может отрицатъ того, что казаки, по своей природе, есть народ демократический, тут не нужны доказательства, достаточно только знать уклад казачьей жизни. Всем известно, что не только отдельные лица, с демократическим „я", но и целые народы с демократическою природою пребывали в условияхъ монархического режима и наоборот. Пример перед нами и в государственном сожительстве: республика Сан-Марино в королевстве Итальянском, республика Андорра в б. королевстве Испанском, княжество Монако — в республике Французской.

И если американцам удалось создать демократическую республику, а казакам не удалось сохранить свои, то это еще не значит, что казачий демократизм плоше американского и что нам не следует брать пример у американцев.

Терский Войсковой Круг в своем обращении к американскому народу, посланном в 1919 г. с благодарностью за помощь медикаментами, приводит интересную аналогию между колонизациями Америки и казачьих Зомель, воинственным образом жизни, созданием самостоятельных Земель—республик и возникновением широкого демократизма.

Казачий демократизм, выросший на Казачьей Земле, есть ценнейшим для Казачества, чем какой либо иной. Кроме того, не следует смешивать демократическую природу человека с демократическими формами государственной жизни. Это вопрос очень растяжимый и путанный, имеем демократические монархии и монархические республики, а теперь особенно стараются натрубить в уши всем и вся о демократизме СССР, хотя не было никогда в мире горшей сатрапии, чем государственное усторойство СССР, перед которой все темные стороны монархий кажутся такими незначительными.

При освещении этого вопроса по какому либо одному признаку всегда могут возникнуть и возникают ошибки и туманности. Казачество следует определять по тем признакам, по которым современные науки политика и социология определют народы и племена.

Необходимо дать ответ на вопросы: является ли Казачество сословием, народом, народностью, нацией. Наиболее распространенный обывательский взгляд на Казачество гласит, что оно есть военное сословие.

Что же это такое вобще сословие?

Понятие этого термина по смыслу действовавшего законодательства очень неопределенно, иногда въ Своде Законов им называют юридическое лицо вообще, а иногда государственные учреждения вообще.

Обыкновенное же понятие сословия есть определенная группа подданныхъ, которые своим юридическим положением каким-нибудь образом отличаются от остального населения, причем эти отличия в самой группе передаются наследственно потомкам. В российских законахъ этому понятию соответствовало „состояние". Наука о государственном праве долгое время не отличала „состояние" отъ классов населения. Только позднее стали понимать „имущественные классы", признанные государственной властью, которые получили от нее права в наследственность. В Росси сословный строй покоился на реформах Екатерины II, которые определили четыре сословия: дворянство, духовенство, мещанство, крестьянство; в войске сословному началу места не оказалось.

Всякое сословие определяется определенными привилегиями или правами, дарованными и юридически закрепленными государственной властью за определенной общественной группой. Так было среди русского народа в Киевской государственности, в Литовско-Польском королевстве и в Московском царстве. В каждом сословии были свои определенные служебные градации, по которым, государственною властью, передвигался выслужившийся элемент.

Казачество создавалось иным путем. Оно имело и свои сословия, которые имели свои особенности, но оно не имело и не создало само какого-либо привилегированного сословия.

Казачество не было никогда прикрепленным к земле, ибо жило на собственной территории; казачьи земли до 70-х годов прошлого столетия юридически принадлежали всему народу; казачество не было прикреплено и к общему российскому „тяглу". Если и были так званые „служилые" казаки, то это были казаки просто нанявшиеся на службу на известных условиях за пределами своего государства.

Ни военно служлый класс московского государства, ни дворяне, ни оракчеевские военные поселения времен Александра I и Николая I не сделались казаками. Дворяне, после отмены обязательной военной службы, передали свои военно сословные функции не казакам, а регулярным полкам иноземного строя.

Казачество представляло из себя нечто особое от всех сословий и, как таковое, имело иное отношение к государственной власти. Это обстоятелство, как и то, что только после Отечественной Войны 1812 г. началась проба обратить Казачество в военное сословие, каковым оно до того времени не было, признается и в полуоффициальном сборнике в память 100 летия Военного Министерства России. Оно не могло быть военным сословием в силу своей исторической и политической самобытности.

В расширенных границах Российской Империи, которая об'яла Казачьи территории, Казачество предстало перед лицом могущественной России, до момента определения своих дальнейших отношений, как воинственный народ и вооруженное войско, этим и были предрешенны судьбы Казачестеа

Когда российская государственная власть начала определять свои отношения к Казачеству, она в своих договорах с ним, естественно, ограничивала те права и достояния Казачества, какие ему были дарованы *его же собственной историей.*

Так званые „царские вольности, „царские привилегии казакам", по своему существу являлись ни чем иным, как дарованием того, что этим царям никогда не принадлежало, а спокон веку было правом и собственностью казачества, как вольного народа на собственной территории. Так было и в королевстве польском, и именно так сообщал взгляд Оттоманского правительства Великий визирь польскому королю, в ответ на его притязания на казачество и казачьи земли.

Это дарование „вольностей" и „привилегий" королями, московскими царями, а потом и российскими императорами, было в сущности обыкновенным дипломатическим актом признания за казаками того, что им принадлежало фактически.

Сначала это был вольный договор между вольными казачьими республиками и коронованной властью самодержцев, по всем вопросам, в которых были заинтересованы обе стороны. И в этот договор или, вернее, в договоры входила и служба казаков московскому государству, равно как и польскому королевству и турецкому султанату. И в начале исключительно для защиты границ, прилегавших к казачьим территориям. Сюда же входил и уговор про субсидию со стороны королей, царей и султанов, которая носила название по тогдашней терминологии в Москве „жалования". Но ведь точно так же, за небеспокойство московских границ, выдавалась „шерть" и крымским ханам от Москвы.

Переговоры между московским правительством и казаками носили дипломатический характер, здесь переговаривались не сословие с центральной властью, а два равноценных социально-политических государстаенных образования.

Эти остатки „достояний", эта историческая собственность казачества, вошли в жизнь под термином „привилегий", но они не были „привилегиями", в сословном значении этого слова, а „историческим достоянием", оставшимся у казаков в результате дипломатических переговоров, ибо казаки никогда не были привилегированным сословием в России. Даже наоборот „шляхетское положение" всего казачества бывшего раньше под Польшей не было признано при заседании пресловутой Екатерининской комиссии, долженствовавшей устроить жизнь всего населения Империи.

А все то, что оставалось в руках казаков, в результате переговоров, неоднократно санкционировалось подтверждениями верховной власти, как дальнейшая их неот'емлемость „на вечные времена". В последний раз это подтверждение произошло на Дону в 1914 г.

Московские цари, одарявшие независимые казачьи республики своими признаниями и различными обещаниями, были все же, с грехом пополам, верны своему слову. Российские же императоры свои „дарования" свели только к формальному подтверждению того, что „пожаловали" далеко ранее их цари, постепенно сужая эти вольности до обыкновенного „жалования" и сословных привилегий в современном понимании этого слова.

Фактически это же проводилось таким образом: постепенно, медленно, а иногда и сильными наскоками, отнимались и ограничивались политические права и независимость казачества, урезывались территории казачьих войсковых обществ и менялись социальные отношения на этих территориях, Грабежом и хищничесвом, огромные когда то территории времен московских царей, бывшие во владении казачьих республик, ко времени царствования последнего императора, свелись к размерам территорий незначительных областей и даже уездов Российской Империи.

Планомерной последовательной политикой такого рода имперское правительство постепенно обращала вольный и вольнолюбивый кааачий народ в замкнутое военное сословие, бесправное и закрепощенное орудие самодержавной власти. И все же, хотя казачество по своему историческому положению и было приравнено к сословию, по своему историческому и психологическому существу оно не могло и не может войти в рамки сословности.

К счастью, этот процесс не успел еще завершиться к нашему времени и ко времени революции 1917 года. Казаки сумели сохранить единство народное (национальное), а не корпоративное.

Казаки все время сохраняли воспоминания о своих бывших политических правах и свободах и неоднократно портили кровь имперской бюрократии своими хлопотами и разговорами о восстановлении упраздненных Рад и Кругов и института выборного Атаманства.

История России это есть история всех классов населения и сословий, история же Вольного Казачества есть только историей Казачества, хотя и в политической орбите соседних государств.

В самом деле, ни одно сословие никогда не владело своею исторической территорией, с определенно очерченными географическими границами, где бы оно осуществляло свое, независимое от общегосударственной власти, бытие. Ни одно сословие никогда не претендовало на самостоятельное государственное бытие, так как внегосударственное и территориальное бытие сословия немыслимо.

Казачество же исторически мыслимо как самодовлеющий национальный политический фактор.

Сословия всегда претендовали на привилегированное положение в государстве, на участие в государственной жизни, кзачество же боролось за себя, оно старалось сохранить себя, как отделенный самобытный организм, поэтому нельзя его рассматривать как сословие, памятуя сидение его на своих землях, с недрами и вольностями.

Земля и сохранение „привилегий" были необходимы казачеству для сохранения своего абсолютного исторически-самостоятельного существа.

Признаки сословия заключаются в его социальных и юридических отношениях к другим сословиям и к государственной власти; признаки же казачества суть в его первоначальной природе. Казачество в прошлом было воинственным народом, создавшим свою историю с оружием в руках. Этот элемент воинственности был необходимым условием создания и защиты для себя, своих основных естественных особенностей-признаков. Воинственное начало было придатком к его основным качественным признакам, а в будущем элемент мирной гражданственности должен был придти на смену воинственности и стать на почву культурного развития всех самобытных сил казачества, чему мы и были свидетелями.

Что казачество не есть сословие, мы можем вывести и из современной действительности. Советское правительство смешало все сословия одной общей меркой. Выходя из соображений, что казачество есть военное сословие, как раз то, о чем мечтало императорское правительство, оно решило одним декретом об уничтожении сословий уничтожить и казачество. Мы являемся живыми свидетелями того, что получилось из этих декретов и уничтожений имени казачьего. Советская власть не только хватается теперь за казачество и превозносит его, но и ставит наравне с иными народами СССР.

Царское и императорское правительство старались планомерными и скрытыми мероприятиями, в продолжении веков, приручить и прибрать к рукам „воровское племя" — казачью вольницу. Они шли к такому же уничтожению казачества постепенным путем сравнения и слияния его в бесправии с остальною массою придавленного населения Росии.

Как военный элемент, казачество не представляло уже угрозы для Советской власти, но она все же применила в отношении казачества те же самые мероприятия по уничтожению его, каковые были ранее намечены исторической властью Росии, разве только что в более жестокой, радикальнейшей форме. Но, тем не менее, не только обыкновенными мерами, но и вообще всякими мерами, расказачить казачество ей не удалось. Только теперь она старается уничтожить старую душу казачества и, создавши новую, вдунуть ее в старую казачью одежду. Для влияния на казачью душу, создают фикцию трудового казачества. Казачеству противопоставляли вдвое сильнейшее по численности иногороднее население, против духовной его дисциплины и военной спайки противопоставлялась ему мощная организация коммунистической поддержки иногороднего наброда и переселенцев. Выселениями казачества ослабили его численность на Родных Землях до невозможного. И, тем на менее, политически сильный пришлый элемент оказался беспомощным перетворить казачество в общесоветскую массу.

Опыт прошлого показал Советам, что казачество не является сословием, подобным крестьянскому, и чтот оно сильно не сословным своим бытом, и обычаями, а действительными исторически сложившимися национальными, народными устоями. Советы знают, что сословие можно рассословить, но казачество нельзя расказачить, как великороссов развеликоросить, а французов расфранцузить. Провозгласить казачество военным сословием было легче всего и тогда можно было принять меры к ассимиляции его крестьянским элементом. Это мы и видели, в самом Ростове издана была новая история казачества по советски — „Конец легенды о казачестве". Теперь избран иной путь в рамки казачьей военной организации Советы вливают многочисленные элементы не казачьи. Однако, не понимают того что ценные качества казачьей психологии и быта создаются столетиями вольной свободной жизни и распространять их декретами и постановлениями на всех и вся нельзя.

В смысле же общественно-гражданском казачество наоборот может влиться и распорошиться среди многочисленного крестьянства, но, если казака можно и омужичить, а мужика оказачить, то для этого нужны не декреты, а целые поколения, столетия сильного исторического, политического и культурного сожительства. Нельзя верить отходу Советов от линии своего первоначального поведения, иначе бы они логически должны бы были провозгласить казачество самодовлеющим народом, но сделать этого они не могут, так как народ уничтожить нельзя. Вековые причины нельзя уничтожить, для этого бы надо было уничтожить и самую историю и всю прежнюю историческую жизнь.

Советская власть, забирая историческое достояние казачьего народа и переделывая казачество применительно к потребностям Советской службы, одновременно стушевывает его самобытные особенности и физиономию.

Теория, определяющая казачество, как самостоятельную этнографическую группу еще оспаривется, но все же она важна, поскольку она подтверждает, что казачество нельзя подвести под рамки сословия и что оно никогда не было, не есть и не может быть сословием.

Казачество есть *ни сословие. ни партия, ни орден, ни клас*, а просто народ (нация) сплав. племени, который, от слишком продолжительного нахождания под влиянием и воздействием родственного народа, утратил некоторые свои отличительные черты.

П. С. Поляков (Югосл.).

Казачество в С. С. С. Р.

(Сталинская ласка)

(Доклад, прочитанный 26 июля 1936 г. в Белграде)

„Верховые скачут по донским станицам и хуторам, чтобы поведать о сталинской ласке". („Известия").

В самых разнообразных французских журналах (Revue de l'etat major general; Revue de l'infanterie; Revue de la cavalerie) в прошлом году появились сведения об отчете французских офицеров генерального штаба, ездивших в Советскую Россию для ознакомления с Красной армией. Отчет этот не только был представлен начальнику Генерального Штаба, но, в известных своих частях, и широко распубликован.

Самая командировка французских офицеров была вызвана давно уже начавшимися дипломатическими переговорами о франко-советском договоре, причиной которого, конечно, не является взаимная пылкая любовь двух народов, а желание — создать военный союз, направленный против соседа Франции, как возможного врага обоих держав.

Мнение г. г. дипломатов — одно; а мнение военных специалистов — нечто иное, более веское, более реальное, нечто, что может заставить благородный французский народ или еще горячее влюбиться в прекрасную колхозницу или изменить ей с дамой более мускулистой.

Общая оценка Красной армии была дана далеко не восторженная. Побывав на больших маневрах, на смотрах и парадах, посетив казармы, французские офицеры близко ознакомились с жизнью Красной армии, увидели ее на работе и во время отдыха. Мнение, высказанное офицерами по возвращении, можно вкратце представить в следующем виде:

1. Красная авиация — французам понравилась. Переброска больших отрядов на аэропланах, применение тысяч парашутов, переноска легких пушек и пулеметов в места наиболее угрожаемые, все это, включая сюда численность и разнообразие летательных машин и достигнутые результаты, ставят — как говорят французы — советскую авиацию на первое место в мире.

2. Советская артиллерия быстро и метко стре-

ляет, тяжелая артиллерия успешно ведет работу, пользуясь рядом остроумных приспособлений.

3. Войска хорошо снабжены шанцевым материалом и инструментами.

4. Высший командный состав совершенно не подготовлен. Французы выразили сомнение . . . „в возможности быстрых и бесперебойных технических пополнений и снабжений Красной армии в процессе войны" . . . в той части, которая относится к сфере деятельности именно высшего командного состава.

5. Советская конница вообще не понравилась и восторгов никаких не вызвала.

Суммируя все виденное, французы, как они после об этом и написали в упомянутом выше отчете, обратили внимание . . . „наших друзей — русских" . . . на то обстоятельство, что „такая великая, огромная природная конная сила, как казаки . . . по непонятным для них (французов) причинам не только не поддерживается всемерно и не развивается, а уничтожается . . . происходит нечто, что русские называют: „расказачивание" — удивлялись французы. Дальше французы пишут, что они поэтому поводу обратились к Ворошилову и что на это тему ими с Ворошиловым велись долгие беседы. В особенно же продолжительных разговорах с сов. маршалом Буденным по тому же вопросу они из его уст услыхали мнение, что „разрешение казачьего вопроса советской властью до сих пор было ошибочным". По заверениям французов, „темпераментный маршал особенно горячо принял наши советы по казачьему вопросу и выявил себя энтузиастом восстановления прежней казачьей военной мощи".

Отчет французских офицеров произвел крайне неприятное впечатление на советы. И французское общественное мнение не было очаровано состоянием военных сил прекрасной колхозницы. В дополнение к этим неприятностям советы в декабре 1935 года, в журнале „Figaro" прочитали статью генерала Жанена, в которой прямо высказывалось сожаление об отсутствии у большевиков казачьих полков и дивизий, каковые, по мнению ген. Жанена, „своею быстротою передвижения и смелостью маневров, выносливостью людского и конского состава, при русском бездорожьи, могли бы сыграть *исключительную* роль в армии, заменив машинизированые части, не могуще в этих условиях найти себе применение".

Большевики поняли — *что* не понравилос их новым „бескорыстным" друзьям . . . Отчет французских офицеров, их советы Буденному и Ворошилову, статья Жанена — все было слишком ясно.

Должен, между прочим, напомнить, что генерал Жанен молодым офицером окончил русскую академию Генерального Штаба, около 20 лет состоял при французской военной миссии в Росии и великолепно владеет русским языком. В дни борьбы адмирала Колчака в Сибири, ген. Жанен командовал союзными войсками (французы, англичане, американцы и японцы). После Сибири Жанен был корпусным командиром во Франции и вышел в отставку по приходе к власти г. Эрио.

И так дело союза стало.

Кроме всех прочих неприятностей для большевиков, премьер министр Лаваль всячески тормозит принятие парламентом и сенатом французско-русского пакта.

И большевики взялись за дело.

Старые очковтиратели, люди, имеющие в политическоей работе только один принцип — никаких приниципов, лишь бы успех — люди, великолепно изучившие Европу со всеми ее слабостями, начали работу: На глазах всего света большевики, нисколько не стесняясь циничности своей лжи, начинают „возрождение казачества", начинают „восстанавливать его права", „прощать" Казачеству его грехи перед Сов. властью и . . . дирижировать казачьими „восторгами".

В феврале 1933 года появляется первое письмо Литвинову в Жаневу или в Париж от колхозников Верхне — Донского округа: „Дерзай, товарищ Литвинов, и ничего и никого не бойся, всем врагам СССР мы проткнем пузо нашими пиками"!

Весь февраль и март идут усиленные из'явления преданности и любви к „вождю народов" Сталину, посылаются приветы товарищам Ворошилову и Буденному от колхозников Вешенского, Каргинского и Верхне — Донского округов. Не отстают в любовных излияниях и кубанцы и терцы и оренбурцы. В станице Вешенской организуется состязание лучших донских певцов и плясунов, из которых самые лучшие, во главе с Мих. Шолоховым, едут в Москву на просмотр премьеры оперы Джержинского „Тихий Дон" и возвращаются . . . „орденоносцами", как теперь говорят в Совдепии о лицах, получивших награды,

Наконец Сов. Правительство постановляет: Снять с казаков ограничения по службе в Р. К. К. Армии, вернуть им старую казачью форму, разрешить им называться казаками, разрешить джигитовать, петь и плясать и . . . создать отдельные казачьи полки и дивизии. Даже стовропольцы под шумок прошмыгнули в вольные люди и заполучили форму — коричневые жупаны! . .

О всех этих восторгах колхозников, о восстановлениях казачьей конницы и постановлениях правительства, не только, пестря иллюстрациями, пишут советские газеты, но, что самое глвное, все это посылается во Францию, все переводится на французский язык и широко опубликовывается во французской прессе.

Смотрите, мол, господа французы, вы колеблетесь вступать с нами в союз, а мы восстановили казачьи права, нет больше расказачиванья, наоборот — полки и дивизии лучшей в мире конницы сами пишут на собраниях, что они готовы „проткнуть всякому пузо" кто вздумает сунуться в СССР. Признавайте же, соглашайтесь. В чем дело то? Лучшее конное войско — у нас! . .

И Французский Сенат 12 марта 1936 года принимает франко-советский договор!

Я имею возможность привести ряд выдержек из этой массы корреспонденций, постановлений, писем и описаний, которыми запестрели советские гагеты, чтобы лишний раз подчернуть то обстоятельство, которое привело и нас с вами сюда, что, видимо, играет и там первостепенную роль — это умение чужих нами пользоваться, на нас выезжать, и наша проклятая способность — лезть всем и каждому в услужение, лишь бы найти чужого барина!...

Царю ли он, товарищу ли — все равно, укажи нам где враги, а мы врагов „унистожим". На этой мысли я подробнее остановлюсь ниже, а пока процитирую выдержки из сов. газет, которые, как вы сами убедитесь из их стиля, фабриковались в Мос-

кве, а на Дону и Кубани подписывались. „Известия“ печатают подписанное 8600 колхозниками и колхозницами Доно-Вешенского, Базковского, Верхне-Донского и Мигулинского районов письмо товарищу Ворошилову:

„Дорогой товарищ Ворошилов! Мы, колхозные казаки верховьев Дона честной работой *заслужили* (курсив мой, П.) доверие партии и правительства и право быть в первых рядах защитников социалистической родины . . . Постановление Правительства о снятии ограничений службы в РККА, и ваш, тов. Ворошилов, приказ о создании казачьих кадровых и территориальных дивизий мы получили в степях, за время весеннего сева (работаем, мол, трудимся на вас дорогие вани!) Мы заверяем вас, тов. Ворошилов, и просим передать вождю народов тов. Сталину, что мы, колхозные донские казаки, готовы по первому вашему зову пойти в конном строю на защиту нашей социалистической родины и разбить любого врага на любой границе . . . Дело создания казачьих дивизий — дело обороны советской родины от фашистов и других врагов — наше кровное дело . . . Шлем вам привет . . . просим перецать тов. Сталину наше горячее спасибо за *внимание* к нам и повседневыне заботы“.

Оказывается, и здесь, в СССР, казаки „заслужили“ доверие, „заслужили“ внимание и заботы самого кинто Джугашвили, и партия международных революционеров эти „заслуги“ признала и казаков по головке погладила!

Не менее интересно и письмо кубанских казаков и казачек тихорецкого района, адресованное Сталину и напечатанное в „Известиях“ от 26 апреля сг.: „Дорогой и любимый товарищ Сталин! Пишут тебе колхозники-казаки Тихорецкого района Азовско-Черноморского края . . . Мы хотим рассказать тебе о своей *счастливой* жизни, которую ты *нам дал*. вождь народов всего мира, отец, учитель, родной товарищ Сталин . . . за счастливую колхозную жизнь выносим мы тебе горячую благодарность советского казачества , . . передаем тебе от всех кубанских казаков и казачек пламенный привет! Не узнать теперь старой Кубани , . . веками угнетавшееся атаманами, офицерами казачество . . . отважно боролось за советскую новую счастливую жизнь. Мы твердо, по казацки, с гордостью заявляем врагам нашей родины, что в лице колхозного казачества они встретят несокрушимую силу, готовую в любую минуту, по первому твоему зову, сесть на боевых колхозных казачьих коней и до последней капли крови защищать свою социалистическую родину . . . С невыразимой радостью встретили мы казаки-колхозники Кубани постановление Правительства о снятии с казачества ограничений по службе в РККА . . . Благодарим тебя великий, любимый товарищ Сталин за . . . *оказанную честь* (курсив мой. П.), мы клянемся отдать свою жизнь без колебаний . . . Пусть запомнят империалисты Японии, фашисты Германии, вся капиталистическая свора, что ноге их не быть на нашей советской колхозной земле . . . Да здравствует друг советского казачества товариц Сталин!“

Как мы видим, кубанцы благодарят Сталина за „счастье“ им, кубанцам, Сталиным дарованное, благодарят за высокую „честь“ и клянутся в верности „другу“ казаков Сталину.

Не отстают и терцы. 353 колхозницы-казачки Александровско-Обиленского района печатают в „Известиях“ от 3 марта свое письмо тому-же Сталину: „Шлем тебе наш горячий привет. Все эти дни мы охвачены невыразимой радостью и счастливым волнением от тех забот и внимания, какие проявила партия и ты сам к нам, советским казакам и казачкам. Живем теперь весело и богато. Мы, казачки, вырастим родине новое, большевицкое казачье поколение и в случае если враг посмеет . . . вместе с мужьями и синовьями пойдем на защиту родины“.

За храбрыми терскими казачками спешат оренбурцы. И они в „Известиях“ от 12 марта грозятся, что „острой яицкой шашкой мы порубаем руки врагам нашей родины“ . . . Новые клятвы и новый поток благодарности и заверения в верности „по гроп жисти“. Особенно интересно прочесть корреспонденцию какого то лихого советчика присланную в „Известия“ из колхоза „Донской скакун“ и озаглавленную „Курень славы“.

Здесь мы, для различия с тем понятием о воле казачьей, к которому здесь привыкли и знаем мы — вольные казаки — видим как казачья воля понимается там, по советски, и что забавно и поучительно сколь мало советское понятие этой казачьей воли отличается от понятия Граббевско-Науменковского.

. . . До недавних лет, пишут „Известия“ от 16 мая, жил казак в своем курене как в крепостном гарнизоне . . . довольство проступает на хуторе. А вот — казак, обучающий молодых: „Он стоит, пушит лихой ус, и с хрипотой командует, как старший сверхсрочной службы: Справа по одному, рысью . . . ма-а-арррш! . . . Молодые казаки с хутора идут в Красную армию. Председатель колхоза лихой казак и рубака исподволь обучает молодых казаков кавалерийскому искусству . . . 48 гектара земли закрепило государство за каждым хозяйством казака, *вошедшего в колхоз. Вот она доподлинная казачья вольность, дарованная трудящемуся казачеству советской властью*“.

Как видите, и большевики, по примеру своих предшественников, — царей российских, покарав кровью и железом непокорных, „даровали волю“ покорным, прикрепив их к земле и колхозам. Кроме того разрешили . . . петь песни и носить лампасы, джигитовать. Т. е. также, как и наше „высокое начальство“ здесь, казаков и там называют лихими — памятуя, что не приведи Бог, задумается он над своей судьбой, перестанет заботиться о лихости, станет прежде всего человеком — и пошлет куда подальше всех своих радетелей и с какардой и со звездой . . .

Сам товарищ Буденный принимал приехавших в Москву на оперу „Тихий Дон“ казаков, милостиво, как какой нибудь недоброй памяти „Миколай Миколаевич“ беседовал с ними. И, конечно, колхозники высказывали мысли государственного масштаба. Товарищ Лосев из колхоза имени Молотова Вешенского района говорит, что . . . „мы, советские казаки, крепко боремся за развитие социалистического хозяйства и крепим оборону нашей страны . . . пусть попробует враг проникнуть хоть с востока хоть с запада . . . он получит жестокий отпор“. Казак Попов из колхоза „Конный путь“ радует слух советского князя, говоря, что „хороших коней мы вам готовим . . . настоящих донцов: рыжих, с белыми ногами (!?), с лысиной“ (Известия. 11-III 36).

Не менее широковещательны описания празднования 1-го мая „обрадованными“ казаками. В Ростове 100,000 донцов и болыше 150,000 кубанцев „демонстрировали свою безграничную преданность, свою любовь к вождю народов тов. Сталину“. То же в Миллерове и Тацинской, где „всеобщий восторг вызвала пирамида, выполненная шестью казаками“... То же в Тихорецкой, где во главе демонстрации шел в полной казачьей форме отряд лучших степных кавалеристов“ („Известия“ от 4 мая).

Особенно ярко описан „празник“ в Пятигорске с 7000 джигитов и 60,000 зрителей. „Начинается парад. Проносятся конные сотни . . . на пиках донцов — красные флажки. Скачут в коричневых жупанах ставропольцы... Начинается джигитовка... Лихо проносятся донские, кубанские и терские казаки. Они мчатся, то стоя на конях, то с шашками в зубах, то вися под брюхом лошади, то джигитуя в завязанном мешке“ („Известия“ от 8 мая).

Как видим сами, право прыгат через коня, или висеть у него под брюхом одинаково признается за казаками и нашими и советскими главковерхами. Джигитовка же в завязанном машке особенно должна понравиться не только Сталину. Об'единенный Совет 16 лет заграницей пытается удержать заграничное казачество в этом самом мешке. И многие еще продолжают джигитовать перед графами и превосходительствами и порою получают званья и чины и крестят их „лихими“.

Две псарни, две своры, два псаря — СССР. и Об'единенный Совет, Сталин и гг. графы. Цена им перед историй казачьей одна; одна им и слава — душители.

Итак, Сталину присягают, его любят, перед ним, как абиссинцы перед Негусом, потрясают старыми берданками и грозятся, по его приказу, проколоть чье угодно, лишь бы нашлось пузо. Старая царская выучка — охрана границ — нашла снова применение. Там, у советов, уже стоят на границах, здесь, у „об'единенного“ обещают, что повезут и поставят на той же границе. Разницы нет . . .

Перейдем же к выводам, к выводам, которые, на основании всего сказанного, напрашиваются сами по себе. Первое и самое главное это то, что даже те несчастные казаки, уцелевшие от расказачивания, наполовину позабывшие что такое казак и Казачество, в нужный и тяжелый для России момент (Россия царская или СССР — все равно) — опять сыграли роль и роль не малую.

Когда военный союз, столь желанный для советов, становился все призрачнее и призрачнее, когда французы открыто сказали, что без казачьей конницы, с негодным высшим комсоставом, с бездоржной страной — советская армия не союзник, большевики об'явили, что они „прощают“ казаков, что казаки опять получают свои дивизии и полки и что им дается право служить и благодарить Сталина за „ласку“.

Значит — страшно еще слово — казак, значит — кроется еще в казаках неуемная сила, оказавшаяся в состоянии пассивно повлиять на судьбу военных союзов Европы!

Итак — первое: *Казаки еще сила, сила большая, с большими возможностями.*

Второй вывод, страшный для нас, вывод леденящий кровь в жилах, напрашивается сам: От времени Мажакова, до наших дней, через Богаевских, Науменок, графов и прочих, Казачество оставалось и остается на роли чужого пушечного мяса, на роли чужих холопов, чужих рабов, ибо не тот раб, кто рабом зовется, а тот, кто исполняет его роль и не замечает этого.

Казаков называли „лихими“ и наказаные и советские атаманы, казакам разрешали джигитовать, петь, пить, носить петлицы и черкески, выражать свои восторги и преданность вождями из династии Романових, и Джугашвили, и Миллера, но казаков вешали, ссылали, цепями на крюки брали и сплавляли на плотах с одинаковой жестокостью и при Петре, и при Сталине, и при Деникине — если казаки начинали говорить о своем праве, если казаки становились на борьбу за свою волю.

И второй наш вывод из всего сказанного: мы — *сила, сила огромная, служившая только чужим интересам, во вред себе.*

Как мы видим — большевицкая комедия с признанием казачьих „прав и преимуществ“ штука не новая. Веками дурачили казаков, веками ими пользовались, воспитывая их на манер в мире не новый: так-же, приблизительно, воспитывались в древнем Риме сотни гладиаторов . . .

Когда падал пораженный противником на песок арены, гладиатор обращал свой молящий взор к ложе цезаря . . . Опустится ли палец вниз, или пощадит его богоправный император. Но палец опускался. И короткий gladius кончал с надеждами, останавливал сердце. Ту же роль несло и Казачество.

Нечего и говорить, что в СССР, как и после Булавинского восстания, казаков на много стало меньше. Эти остатки влиты в „казачьи“ полки, укомплектованные из всех живущих на нашей Казачьей Земле. А нам с вами великолепно известно — сколько ванек населилось в опустевших станицах и что будет на самом деле стоить эта колхозная конница.

Казачьими остатними головами играют там, заставляя казаков служить советам, подписывать написанные в Москве письма и постановления.

Казачьими остатними головами играют и здесь люди несравненно более мелкие и глупые чем Сталин, но твердо заучившие старую российскую „науку“ — „казак есть слуга царю и отечеству“.

Тех казаков, которые там восстают против Сов. власти — уничтожают, ссылают, бьют. Казаков, которые здесь говорят о казачьем национальном праве на самостоятельность — предают анафеме, на них доносят, натравливают чужие полиции, пытаются заткнуть глотки . . .

Res a trieriis venit — подходит черед на третьих! — так говорили римляне. Их кагорты строились, имея три ряда. Когда в битве падал первый ряд, в бой вступал второй ряд воинов. Когда бывал выбит второй ряд, подходил черед на третий последний ряд.

Res a trieriis venit — можем сказать им мы, казаки. Казачество раздроблено, разбито, обескровлено, и силу представляет лишь в руках чужих.

„Наші шашки заржавіли
Мушкеті без куркив . . .

И все будет зависеть от нас самих, от вас, станичники слушатели, поймете ли вы наконец, что наше спасение не в услужении чужим, не в джигитовке в мешке под пузом у лошади наше призвание, а в

борьбе за свой Край Родимый, за свой порог и угол. Ибо мы тоже, прежде всего, люди, а не слуги, не гладиаторы. Не войско, а народ! . .

Если и теперь мы с вами этого не поймем, позор уничтожения Казачества, его духа и его будушности ляжет на нас и на детях наших . . .

„Вставайте на смертный бой,
Берите судьбу свою в руки,
Народ наш — подавлен тоской,
Он терпит жестокие муки.

Победой над властью чужой
Вы слезы утрете народа,
Все смелые станьте на бой
Отчизна вас ждет и свобода . . .“

так пишет казачий поэт Константин Поляков. Будем же верить, что мы не казачьи выродки, что не только низменные чувства руководят нами, но что найдутся и у нас люди, которые смогут возродить и воскресить самостоятельное Казачество.

Слава Казачеству.

Инж. В. Г. Глазков. (ЧСР).

Советская заработная плата и цены.

Многие до сих пор тенденциозно переводят советскую заработную плату по официальному курсу рубля До 1 апр. сего года был официальный курс рубля 17 крон 50 гелеровъ чехословацких. Работник, зарабатывающий по 200 рублей в месяц, имел согласно этого курса 3500 чехословацких крон. Первого апреля был курс снижен официально на 4 кроны 80 гелеров, так что тот-же работник, который в марте зарабатывал 3500 крон, получает с апреля всего лишъ 960 крон. Скачок очень болшой!

Бесспорно, что официальный курс рубля не имеет ничего общего с его реальной стоймостью. Определить эту реальную стоймость сегодня при свободной торговле совсем легко. Как раз на этих днях была в СССР снижена цена яиц на 40 копеек за штуку. В Чехословакии одно яйцо стоитъ 60 гелеров (по Пражскому рынку). Также недавно там была снижена цена мыла на 4 рубля 60 коп. за килограмм. В Чехосл. килогр. мыла стоит 4 кроны. Без изменений остались цены на белую муку — 4 рубля за кило. А в Чехосл. — 3 кроны.

Хлеб в СССР. продается нескольких сортов; самый хороший белый 2 рубля 80 копеек. а плохой черный — 1 р. 30; в среднем цена хлеба 2 рубля 5 коп. (в Чехосл. — 2 кроны. В дальнейшемъ цены продуктов на чешские кроны будутъ даваться в скобках) Сахар — Зр. 80 к. (6·20.) Сливочное масло — 20 рубл (16 кр), мясо в среднем — 8 руб. (12 кр) рыба — 3 руб (10 кр) молоко — 1 р. 40 коп. (1·60) горох — 4 руб. (4 кр).

За квартиру, отопление и освещение одной комнаты в Праге платится в среднем 7 крон в день а в Москве, посколку кто имеетъ квартиру, платится 2 рубля 70 копеек.

Сравним ли цены этих предметов первой необходимости, видим что 52 рубля по покупательной силе равняется 66 кронам 40 гелерам. Иначе говоря, действительная цена рубля равняется приблизительно 1 кроне 30 гелерам.

А какова заработная плата и жалованья? Не будем пускаться в долгие разговоры, укажем лишь на постановление Совнаркома от 9 апреля 1936 года, которым повышается жалованье учителям первого разряда от 270 рублей до 330 рублей, а учителям второго разряда отъ 240 до 280 рублей в месяц. Это жалованье учителямъ в городах, а в деревнях оно гораздо меньше.

Таким образомъ, учитель первого разряда с полнымъ педагогическим образованием после десятка лет службы может дослужиться до 330 рублей т. е. в переводе на действительную цену рубля в кронах — учитель высшей или средней школы, значит, получаетъ максимум 400 крон в месяц!. И это называется повышенная плата.

Может ли быть доступна такому учителю шуба в цену 2000 рублей, костюм за 600 рублей или килограм кофе за 60 рублей, а это ведь существующие там цены на эти предметы.

Не приходится говорить уже о служащих с меньшим жалованьем, как напр. персонал отеля с платой в 120 рублей, или же о работнике с заработком в 160 — 240 рублей в месяц.

И какой горькой усмешкой звучат потом слова советских граждан, поющих хвалу „отцу отечества“ тов. Сталину: „Спасибо, горячо любимому и дорогому тов. Сталину за счастливую, зажиточную жизнь“! . . .

Необходимо добавить, что колхозники должны сдавать весь урожай государству, кроме семян для следующего года и своего заработка натурой за трудодни (рабочие дни за сезон). При чемъ 10 процентов урожая сдается государству почти даром, и к тому еще все сельско — хозяйственные продукты так обложены налогами, что в среднем составляет 60 проц. государственного дохода.

Если ныне колхозникъ имеет корову, свинью и несколько курочекъ, то он уже считается зажиточным и благодарит тов. Сталина за „счастливую, веселую жизнь“. Например на с'езде животноводов казак станицы Вешенской Скилков хвалился, что имеет 40 кур.

Ныне наши цены подтверждает и корреспондент чехословацкой газеты „Чешкое Слово“ в №-163 Это орган чехословацких национал-социалистов, которые первыми подняли кампанию за признание СССР, а ныне решили приподнести своему читателю и советскую действительность, иначе читатель раньше через эти же страницы видел Советский рай в самых радужных красках.

В вечернем издании этого органа „А-Зет“ в №-120 депутатъ Чехословацкого парламента г. Гатина пишет:

„Кажется, что-голода в СССР нет, но контраст между сытым красноармейцем и усталым, худым рабочим виден на первый же взгляд“. Он беседовал с железнодорожником, зарабатывающим 250 рублей в месяц и имеющим 4 детей. Железнодрожник заявил, что „только на хлеб среднего сорта расходую 105 рублей в месяц, поэтому представьте ско ько остается на одежду и обувь“.

1936 Август.

А. В. Лаврухин (Болгария).

Нация, как духовное единство

Еще древние греческие мыслители утверждали об общественом характере человеческой природы. Мысль Аристотеля, что „человек есть общественное животное“ выражает собою именно те понятия, что в самой природе человека заложены такие психические свойства, которые заставляют его искать связи с окружающими, ему подобными существами.

Стремление к жизни в обществе, к обмену духовными и материальными ценностями между людьми вот основная врожденная черта человеческой природы. От нее исходят те толчки, которые собирают людей и соединяют их в различные общественые об'единения. С другой стороны, природные и культурные условия человеческой жизни являются также побудительными причинами, которые принуждают людей к совместной жизни. Повседневные физические и духовные нужды человека настолько велики разнообразны, что отдельный индивидуум не в состоянии их удовлетворить своими собственными силами. Чтобы создать благоприятные условия практической жизни и удовлетворить свои культурные нужды) отдельный человек принужден прибегат к содействию и сотрудничеству, других индивидуумов, входить с ними в союз, чтобы общими силами удовлетворять потребности своей жизни. . .

По такому почину создаются различные общественные группировки, в которых отделный человек состоит членом, работает и сотрудничает в гармоническом сочетании с другими, положительно разрешая свои личные или общие задачи. Следовательно, особенности человеческой духовной природы и потребности повседневной жизни заставляют отдельный индивидуум искать союза с другими индивидуумами и образовывать различные общественные об'единения.

Поэтому, отдельный индивидуум, который не состоит ни в какой общественной группировке, замкнут в самом себе и удовлетворяется лишь самим собою во всех отношениях, которые не нуждаются в поддержке других и не чувствует потребности общения, не существует, и такой человек в наше время просто немыслим.

Всякий индивидуум — член общества находится в сношениях с другими, дает им свою материальную и моральную поддержку и сам пользуется также поддежркой других. Рассматривая характер связей и отношений, которые существуют между членами какого-либо общества, а равным образом цели и задачи, преследуя кои человек становится членом данного общества. Мы устанавливаем, главным образом, два основных вида общественных об'единений.

С одной стороны, человек становится членом данного общества, исходя из нужд своей практической жизни; становится, например, членом какого-либо акционерного общества, кооперативного общества, ища прежде всего защиту своих материальных интересов. Он состоит в таких организациях, содействуя их благополучию и вкладывает свои материальные средства или работает, по мере сил, за их сохранение и развитие лишь потому, что этим способом удовлетворяет свои яичные практ. нужды. Здесь сотрудничество каждого отдельного члена на благо и процветание общества диктуется личными мотивами каждого.

Такого рода почти все коммерческие организации, которые об'единяют своих членов вокруг конкретно поставленных практических задач.

Вторая категория общественых об'единений, это — общества, которые группируют своих членов не с целью удовлетворения каких бы то ни было практических интересов членов вокруг чисто духовного запроса их т. е. религиозные общества.

Если данный индивидуум состоит членом какого-либо религиозного общества, то он не присоединяет свою волю в это общественное единство, чтобы удовлетворить какую-либо свою личную отдельную нужду или интерес... Напротив, он является членом в обществе исключительно из-за самого общества. Здесь интерес отдельного индивидуума исчезает. Его личные нужды исчезают перед интересами и нуждами целого общества.

К которой же общественной категории относится нация?

Каждый человек есть членом одной нации. Самое понятие „нация“ не может быть понято по другому, кроме как об'единение людей, связанных расовым, племенным, языковым, и духовным единством. Индивидуумы, принадлежащие к данному национальному единству, сознают себя органически связанными духовными узами главными образом. Значит, в национальном единстве главную об'единяющую роль играет связь не практического характера.

Каждый член нации содействует ее сохранению, не считаясь с своими личными интересами, даже больше того, каждый член готов жертвовать своими индивидуальными интересами в пользу целого — нации. Он работает для сохранения общего националного единства.

Именно поэтому нация есть духовное единство между людьми. Единство нации кореным образом связывает всех ее членов. А эта духовная связь находит место единственно в сознании национальной принадлежности, которое создает духовное родство членами данной нации.

Интересы отдельных слоев и классов в нации зачастую могут быть и противоречивы, но когда подвергается опасности целая нация, все отдельные группы оставляют свои личные и сословные интересы и становятся на защиту нации. Этот факт достаточный, чтобы убедиться в том, что нация есть общественная категория чисто духовного характера, что она об'единяет своих членов во имя духовной ценности, которая для каждого члена стоит выше его личных интересов и нужд.

А национальное сознание, которое связывает членов нации, об'единяет национальные силы и укрепляет национальный дух, создается под влиянием многих факторов, которые вытекают из особенного характера традици, духа и жизни каждого национального единства. Нравы, обычаи, песни, сказания, история и общая судьба, которую имеют члены данной нации, а также воспитание, язык, религия и прочее все это факторы, которые, в большей или меньшей степени, оказывают свое влияние на душу каждого, который растет и живет в одной национальной среде, которая создает соответственное национальное сознание в душе ее отдельного члена. Это и есть те факторы, которые зарождаются в душе всякого индивидуума еще с раннего детства — чувство-и сознание глубокой связи со всеми, которые родились и выросли в этой же национальной среде, которые живут под влиянием тех же самих источников, имеют тот же самый национальный дух. Об'единяющий фактор между членами нации — духовная связь и отношения между собою. Когда казак, живущий в предместьях Парижа или Америки слышит о терроре над казаками на родной земле, о массовых принудительных выселениях из казачьих краев, то у него с такою же болью сжимается сердце, как, и у казаков, живущих в Болгарии, германии и проч... Понятно, что здесь не может быть речи о каких-либо практических интересах. Не практический интерес, не личная нужда а одна и та же практическая материальная цель, которую имеют казаки, живущие в разных странах, с различными нуждами, объединяет и заставляет их чувствовать себя связанными в одном обществе — нации, а духовное — „Я“. Поэтому-то „нация“ есть духовное общественное единство, внутреннее родство-духовная близость и сознание принадлежности к одной семье.

Трагедия емигранта

26 июня с. г., под Парижем, в Мезон-Альфоре, бросился въ Марну и окончил с жизнью казак Граббевской станицы Сальского округа, Андрей Манжиков.

Причина смерти — общая трагедия многих эмигрантов во Франции. У покойного, в конце прошлого года, полиция отобрала карт д'идентите. Человек, имевший хорошо оплачиваемую работу (был специалист по шитью дождевых плащей), лишился работы, впал в крайнюю нужду. Все его ходатайства о возвращении документа были тщетны. Власть двала ему лишь временное разрешение на жительство, что не давало ему права на работу. Такая заячья жизнь надоела ему и покойный перед смертью часто говорил своим знакомым, что не выдержит такой пытки и он покончит с собой. К сожалению, свою угрозу он привел в исполнение.

Документ у него отобрали потому, что он много лет тому назад был присужден в тюрьму на несколько дней за драку с французом и тогда же наказание это отбыл. С тех пор ни с судом, ни с полицией он никакого дела не имел, беспрерывно работал, отличился необыкновенной работоспособностью.

Ушел от нас в лучший мир еще один наш собрат по духу и оружию, не дождавшись возрождения Казачества. Царство ему небесное!

Я. И. ЛОПУХ (Югосл.)

Казачество и значение слова казак

(Доклад, прочит. в Белграде)

В последнее время как-то особенно остро возник интерес к Казачеству. Интересуются казаками иностранцы, интересуются ими русские организации, интересуются и сами казаки. Но что особенно странно и достойно удивления, так это то, что Советское правительство также заинтересовалось Казачеством. То самое правительство, которое считало казаков своими злейшими врагами и на протяжении 15 ти лет всеми мерами старалось уничтожитв таковых.

Здесь, заграницей казаками заинтересовались пореволюционные русские политические организации, в особенности младороссы и Национальный Союз Нового Поколения (сокращ. НСНП). Эти организации сочли необходимым создать при себе „Казачьи Секции" с широковешательными программами. Дя улавливания казачьих душ посылаются агитаторы, устраиваются доклады, посвяшеные казачьему вопросу, где Казачество превозносится до небес. Словомъ, казаки сейчас в моде.

Но что же это за люди — казаки, к которым возник всюду такой интерес и о которых заговорили в печати?

Определений Казачества существует много. Если спросите строевого казака, хорошо знающего, так называемую „словесность" что такое казак, то он вам, не моргнув глазом, выпалит: „Казак есть слуга царю и отечеству". Если этот вопрос зададите малодому корнету, то получите следующий ответ: „казак... казаки?.. Да это четвертые полки в дивизиях!" Интеллигент, подумавши, скажет вам, что казаки это— сословие. Есть, правда, и еще два определения: первое это определение большинства русской интеллигенции в 905 году: „казаки это — нагаечники, царские опричники, реакционеры, утерявших в 1918 году свои имения: „казаки это — изменники. трусы", не сумевшие покорить под их нози русского мужика, В крахе белого движения виновны, по их мнению, только казаки. Последние два определения вреоенные, и я их касаться не буду; первые же три определения Казачества опираются, так сказать, на законных основах, и я на них оствновлюсь.

И так, I е: „Казак есть слуга царю и отечеству". Задайте вы вопрос солдату: „Что такое солдат"? Тот тоже ответит вам: „солдат есть слуга царю и отечеству": Что же сие значит?.. И солдат — слуга царю и отечеству и казак — слуга царю и отечеству. Следовательно, между солдатом и казаком разницы никакой? Между тем, по русским же законам, солдата нельзя называть казаком и казака солдатом. Значит — разница есть.

Возьмем для примера следующее обстоятельство: родился у крестьянина мальчик; этот новорожденный уже записан крестьяниномъ, а ведь нигде не было слышно, что крестьянина называли слугою царя и отечества, Выростает крестьянский мальчик, забрили ему лоб. т. с. взяли на службу, привели к присяге, и только тогда стал он солдатом — слугою царю и отечеству. Окончил этот солдат срок службы, он опять крестьянин; следовательно, уже не слуга царю и отечеству, так как ни в каком своде законов нет такого определения, чтобы крестьянин или мещанин назывался слугою царя и отечества, а носят они общее название „верноподданных".

А казак? Родился у казака сынишка, лежит в люльке и пачкает пеленки, но он уже казак. Так неужели и этот казак с соской во рту — слуга царю и отечеству? Если дожил казак лет аж 80—90, т. е. до того возраста, когда, как говорят, песок сыпется, то неужели и эта развалина — слуга царю и отечеству? Если да, то ни царь, ни отечество с такими слугами далеко не уйдут, и применение к младенцам, старикам калекам такого определения у здравомыслящего человека можеть вызвать только улыбку.

До XVIII века ни донцы ни запорожцы никаких царей над сбоой не имели, подчиняли сь Кругу и Раде, т. е. самим себе, а назывались казаками: спрашивается, по отношению кому они тогда были слугами?.. Можно ли было в те времена назвать казака слугою царя и отечества? Конечно—нет! в словаре даже значится, что казак — вольный человек. В песнях поется: „Деж ви хлопці запорожці — сини вільної воли". или „казаки не простаки вольные ребята". Каким же образом волный человек может быть со дня рождения до самой смерти, т. е. всю жизнь слугою? Это явная несуразность. Определение это могло относиться только к казакам, отбывающим военную службу.

2 Это — казаки четвертые полки в дивизиях. Определение молодого корнета, пожалуй, верное, но, к сожалению, есть кавалерийские дивизии без казачьих полков, и наоборот, есть дивизии исключительно из казачьих полков; и посему глупое определение молодого корнета можно отнести к числу анекдотов, указывающих на то, что русские офицеры не знали совсем Казачества.

Перейдем теперь к 3-му определению, так сказать, узаконенному — казаки это сословие.

Согласно российских законов, крестьянин, по тем или иным причинам, получивший права дворянства, исключался из крестьянского сословия и зачислялся в сословие дворянское и таким образом, терял всякую связь с крестьянством, записавшись в дворянскую книгу того уезда, где пожелает. В документе его значилось, что он дворянин и только.

Что же мы видим в Казачестве?

Казак, удостоившийся зачисления в дворянство, оставался казаком. Числился в своей станице, пользовался казачьим паевым наделом, плановым местем и т. д. И выходит: казак — сословие, дворянин — сословие. Получается что-то несуразное: сословие в сословие. Между тем по тем же российским законам, если казак переходил в мещанское сословие, то он лишался звания казака; терял право на паевой надел земли. исключался из списка станицы и зачислялся в список того города, куда просился быть зачисленным. Выходит: если казак зачисляется в дворянское сословие, он остается казаком, а если в мещанское, то из казачьего сословия исключается и становится только мещанином: не кажется ли это странным?)

В документе казака-дворянина писалос: „казак из дворян". Почему же в документе крестьянина. вошедшего в дворянское сословие,, не писалось: „крестьянин из дворяна", а только „дворянин". Да и фраза, к слову сказать, подобрана очен неудачно: „казак из дворян". По смыслу выходит, что казак произошел из дворянства, а не наоборот.

Наконец, спросить бы „Господ определителей казачества „сословием" — кто же были казаки до XVIII века, когда казаки жили независимыми отдельными республиками, когда между ними не было ни почетных граждан, ни дворян, ни офицерства, а вся администрация (начальство) было выбороное, когда Москва сносилась с Казачеством через Посольский Приказ (Мин, Ин. Дел) и когда все члены этих республик назывались казаками?

Кто же т о г д а были казаки: сословие или отдельный народ?

Раз московские цари сносились с казаками через Посольский Приказ, как и с другими иностранными государствами, то, следовательно, считали их отдельным народом, а не сословием.

Наконец, в Основных Законах Всевеликого Войска Донского сказано: „Все сословия отменяются". Отсюда вытекает, что раз Казачество сословие, то этим законом оно должно „отмениться". А эту ли цель преследовали законы Всевеликого Войска Донского? Конечно — нет! . . . Следовательно, определение, что казачество есть сословие не верно и навязано оно казакам мудрыми российскими законодарцами с определенной целью: разделить Казачество на белую и черную кость и внести в его среду социальную розь, одновременно вытравляя из сознания казаков представление о самом себе как об отдельном народе. Задача разделения казачьего общества на классы была достигнута, а задача превращения народа в сословие также была на пути к разрешению, ибо часть казачьего народа уже успела позабыть о своей народности, свыкшись с мыслью о том, что казачество одно из сословий русского народа.

И так, казак не „слуга", казаки не „четвертые полки в дивизиях" и не „сословие" : . . Но что-же это за люди?! . . Ответ на этот вопрос мы найдем тогда, когда познакомимся с историей Казачества и его происхождением.

Как видите, по отношению к слову — казак есть три определения, что-же касается происхождения Казачества, то там разногласий еще больше, но в общем эти разногласия сводятся к двум выводам: Первый вывод — казаки это крепостные крестьяне и преступники, бежавшие на юг от гнета помещиков и правосудия. Так сказано в учебниках, составленных русскими историками Иловайским, Рождественским, Белярминовым и другими. По этим учебникам учили нас да и теперь продолжают учить в русских учебных заведениях.

Почти также пишет о казаках и большевицкий историк Янчевский в своей книге: „Разрушение легенды о казачестве".

Второй выход — казаки это смесь славянского племени, населявшего Таманский полуостров, с остатками народов, населявших территорию, которую ныне принято называть Южно-Русской степью, — скифов, аланов, косогов, хазар, печенегов, черкасс и иных.

Владимир Синеоков, почетный казак общеказачьей станицы в Каннах, в заключении своего об'яснения, что такое казак, говорит: „В слово „казак" следует вложить содержание, соответствующее . . . „и духу времени и обстоятельствам". Иначе говоря — держи нос по ветру. Кроме того, этот почтенный автор, доктор государственных наук, прямо говорит, что „казачество появилось в конце XУ—го и в начале XУI столетий и что это — выходцы из внутренних чисто русских земель.

По всей вероятности автор забыл (или не знает. Ред), что донцы участвовали в Куликовской битве и приподнесли князю Димитрию икону Богоматери, получившию наименование „Донской". А Куликовская же битва, как известно, была не в конце 15 века, а в 1380 году, т. е. в 14 веке. Если к этому времени донцы представляли из себя такой сильный фактор, который выступал в качестве союзницы Москвы в таком важном деле, как борьба с монголами, то надо думать, что Казачество существовало до этого еще несколько столетий.

Между прочим, поместив эту свою статью в 3-м номере журнала „Станица", г. Синеоков в 4-м номере того-же журнала повествует, что о казаках упоминается в 1334—1353 годах. Вот тут и поучайся! . . .

Изучая историю Казачества, его быт и нравы с молодых лет до революции, прочитывая и теперь в журналах статьи о Казачестве, считаю необходимым прибегнуть к обобщению и краткому изложению того, что писалось о казаках.

В начале было упомянуто, что во воех русских учебниках по истории говорится, что казачество образовалось из беглых крестьян и преступников, бежавших от гнета помещиков и правосудия на юг. в „Дикое Поле". Странным и непонятным является такое об'яснение. Казаки жили на Дону и Днепре еще до Монгольского нашествия, участвовали в Куликовской битве в 14 веке, а крепостное право было введено только при Борисе Годунове, в конце 16-го века. Спрашивается — от каких-же пемещиков убегали крестянье, когда до 15-го века они могли свободно во всякое время переходить от одного хозяина к другому, а в 15-м веке, в царствование Іонна III-го этот переход бы ограничен одним днем в году — осенью 26-го ноября в день свят Георгия, по народному Юрия. Когда же в 16 веке, при Борисе Годунове, крестьяне были прикреплены к земле т. е. лишены были права переходить от одного помещика к другому и в Юрьев день, то в следствие этого появилась поговорка: „Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!" т- е. Юрьев день пришел, а переходить, оказалось, нельзя. Да и „гнет" то этот, собственно говоря, начал развиваться со времени Петра I, так как до этого времени русские бояре были большею частью неграмотные, богобоязненные, мало требовали на свое содержание, а потому и крестьян своих не так уж угнетали; наоборот до 7 века землевладельцы бояре старались добрым отношением удержать крестьян на своей земле. Начиная же с Петра I, и в особенности при Екатерине II, гнет этот достиг таких размеров, что читая о чинившихся дворянами зверствах над крестьянами и сейчас волосы становятся дыбом, но в это время убегать уже было не к кому, так как и Казачество „Божьей милостью" было прибрано под высокую царскую руку, а благочестивая рука эта давила его со всех сторон,

Отсюда видно, что утверждения русских историков о происхождении Казачества от беглых крестьян — неосновательны.

Что-же касается преступников, то это явление в известной степени допустимо. Но тут сам собою напрашивается вопрос: Неужели на Руси была такая масса преступников, что только из убегавших, которых могло быть не больше 10 проц., могло образоваться Казачество со стройной системой государственного устройства, с отличными от русских нравами, обычаями, психологией? . . , Ответ может быть только один — конечно, нет! . . . Доказательством этого служит то обстоятельство, что Сибирь была завоевана Ермаком в 15 столетии; с того времени и до наших дней туда ссылали преступников, которые, благодаря сравнительно слабой в том краю охране, тоже убегали в значительном количестве, но никакого казачества за 400 лет там не образовалось. А для образования там казачества неизменно брали переселенцев с Дона и других казачьих областей.

Но допустим даже, что все это верно, что беглые крестьяне и преступники убегали на юг. Но почему же именно на юг, а не на восток и не на запад? Мне могут, пожалуй, сказать, что на востоке и на западе места были уже заселены. На востоке жили черемисы, мордва, чудь и другие народы финского племени, а на западе литовцы и поляки, юг же был никем не заселен, а потому, мол, получил название Дикого Поля. Но интересно, что на западе местность болотистая, с неуражной почвой. и почти такая же на востоке, покрытая дремучими лесами, была уже обитаема, а на юге, с плодородной почвой, богатыми пастбищами, многоводными богатыми реками, были места необитаемы.

Не кажется ли странным и то обстоятельство, что крестьяне и преступники бежали на необитаемый юг, а старообрядцы, на которых началось гонение со времени царя Алексея Михайловича, бежали почему-то именно на запад и восток, где селились в лесах, тогда как на Дону в те времена жили казаки-донцы исключительно старообрядцы, к которым и следовало бы бежать гонимым единоверцам.

Но нет, как учит история и литература, русские старообрядцы в большинстве бежали на запад и восток, и только незначительная часть просачивалась на Дон. Наконец, можно ли согласиться с тем, что этот благодатный край необитаем, Край, воспетый впоследствии поетом А Толстым: „Ты знаешь край, где все обильем дышет, где реки льются чище серебра, где ветерок степной ковыль колышет, в вишневых рощах тонут хутора?" Нет, и тысячу раз нет.

В те отдаленные времена люди занимались преимущественно скотоводством, а поэтому богатейшие постбища южных степей не могли быть необитаемы. Из истории нам известно, что за много лет до основания русского княжества здесь жили воинственные скифы, памятники которых разбросаны по степной полосе в виде курганов. А куда же девалось многомиллионное население обширного Хазарского царства, простиравшегося от Днепра до Волги и имевшего торговые сношения с славянами, греками и арабами? Неужели все без остатка вымерло? Через эти же степи из Азии проходило много разных народов, так неужели не было каких либо, по тем или иным причинам, оставшихся? Несмоненно были.

О населении южных степей народами, о смене этих народов другими говорят и поэты и историки. Так, А. Толстой в своем стихотворении: „Курган" говорят: „В степи, на равнине открытой, курган одинокий стоит; под ним богатырь знаменитый в минувшие веки зарыт"... и дальше: „народы сменяли народы, лицо изменилось здали". . .

Наконец, допустим даже, что степи эти были пусты. Почему же эти беглые крестьяне, рабы, и духом и телом, не видевшие никогда казачьего седла, не видевшие моря, низкопоклонники, льстивые, считавшие царя за земного Бога, сразу по приходе в степь становились отличными наездниками, храбрыми воинами, неустрашимыми мореплавателями и, наконец, рыцарями — архидемократами?

Среди казачьих станиц в наше вр мя не мало имелось крестьянских поселений. Населенйе десятками лет видело казачьи джигитовки, а много ли из этих крестьян б ыло джигитов?... Нет! Как из тамбовской сивки не сделаешь сразу донского или кабардинского скакуна, так точно из раба не сделаешь сразу казака-рыцаря. Этим беглецам необходимо было у кого либо учиться, к чьей то уже твердо сложившейся жизни и быту приспосабливаться т. е. ассимилироваться.

Постараемся, елико возможно. выяснить — кто же были эти учителя?... Прежде всего обратимся к русским историкам, только не к тем, что писали учебники, так называемой русской истории по известному трафарету, чтобы эти учебники были одобрены правительством, а к другим, не писавшим учебников, а только историю.

Историк Карамзин, представитель определенного течения в русской истории, в своем коллосальном труде „История государства Российского" утверждает следующее: „ . . . имя казаков древнее Батыева нашествия и принадлежит торкам, которые обитали на берегах Днепра ниже Киева. Они назывались и черкассами и казаками. Не желая покоряться ни монголам, ни Литве, они жили, как вольные люди, на отрогах Днепра, огражденных скалистыми и непроходимыми болотами и тростниками. Принимали к себе многих россиян, бежавших от угнетения, смешивались с ними и под именем казаков составили один народ". (Как видите, не сословие, а народ). Дальше Карамзин говорит: „сие имя означало вольницу, наездников, удальцов, но не разбойников, как некоторые ссылаются на турецкий лексикон. Оно, без сомнения, не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность отечества и веру, добровольно так назывались".

Таким образов, Карамзин определил, что казаки существовали под этим именем задолго до Батыева нашествия, которое, как известно, было в 1328 году. Это утверждение Карамзина кажется тем более характерным, если сравнить его с мнением проф. Костомарова, который пишет в своем труде. „Из нашего прошлого" буквально следующее: „Самое раннее начало казачества для нас теряется в истории. Вероятно, однако, что название это возникло на юге при столкновении с татарами". Известный историк Маркевич держится того мнения, что казаки взяли свое имя от торков и берендеев, иначе называвшихся черкассами, наименование тождественное слову — казак. Известный исторический писагель Мордовцев, в своей исторической повести „Мамаево побоище", говорит, что боярин Боброк привел с собой с юга рать с бритыми головами и чубом на макушке головы. Москвичи дивились этому говоря: „Смотри — мы на макушке тумень ище простригаем, а они на том месте чубы оставляют, а главу бреют. Чудо!" Эта рать, как говорит Мордовцев, была в засаде и, как известно, решила участь Куликовской битвы. Историк Устрялов откровенно признается, что, не имея в общем никаких средств об'яснить рядомь событий, когда и как образовалось на Дону казачество, знаем только достоверно, что оно становится особенно заметным в начале XVI века, что главным центром его был город Раздоры в устьях Северного Донца. „Этот русский историк, вопреки официальной русской теории, мужественно сознается, что мы, русские историки, не знаем, откуда и как произошло казачество".

Итак часть видных русских историков говорит, что родоначальниками казачества были торки и берендеи, и что уже к ним бежали русские, а часть смело сознается, что не знает откуда и как произошло казачество. А вот находятся же ныне смельчаки, которые, ничтоже сумняшеся, не утруждают себя ни чтением исторических книг, ни рытьем в архивах, прямо сплеча как рубанут: „казаки — это русские люди" и только. Знай, мол, наших! Один из моих знакомых рассказал мне однажды следующее: „Как то мне пришлось говорить с евреем, приехавшим из Совроссии, „Услышав от меня русскую речь, он с апломбом задал мне вопрос — „А вы тоже русский? „Из этого вопроса ясно, что и чистокровный потомок Израиля ныне считает себя русским человеком!

Как видите, господа, русские историки, все таки слабо освещают происхождение казачества. И не мудрено. Благодаря разгрому Киева монголами, частым опустошительным пожарам Москвы, в русских архивах не сохранилось исторических документов о существовании в степной полосе Хозарской империи Тьмутараканского княжества, Золотой Орды, турецкой крепости Азова. Архивы их погибли. Архив „Главного Войска", т. е столицы Дона города Черкасска, был уничтожен в 1643 году во время занятия и уничтожения города турками. Окончательно же этот Донской архив погиб со всеми реликвиями во время пожара в Черскасске в 1794 году, когда сгорело девять десятых всего города. Ввиду этого теперь приходится обращаться к иностранным историкам.

Древние греческие и арабские историки, а равно географы, отлично знали о существовании в южных степях скифов и азов, Азы в русских летописях фигурируют под наименованиеи „ясов" и „осов".

Плиний в своих синодиках описывает племя азов, проживавшее между реками Днестром и Дрепром еще до РХ, Во втором столетии после РХ в Черноморских степях появляются, пришедшие с берегов Балтийского моря, готы. Владычество их продолжалось около 150 лет. и характеризуется очень тесной связью с местным населением. Среди готов было много христиан, почему они и выступают здесь, как носители христианской культуры.

В IУ столетии на Черноморско-Азовском побережьи началось великое переселение народов, которое продоложалось несколько столетий. В начале IV столетия на Черноморско-Азовском побережьи появляется новый народ —анты, который, по свидетельству византийских писателей, принадлежал к славянскому племени. Вот они и считаются прелками теперешнего украинского народа. Анты отличались воинственностью и выносливостью, имели те же самые характерные черты и особенности, как и их предшественники скифы. Анты служили в качестве конницы в византийских войсках.

К концу IV столегия из Азии вышли гунны под предводительством Атиллы. Гунны прошли по южной части нынешней России, разорили готов и антов и ушли в Западную Европу, где и поныне живут в лице мад'яр (Венгрия.) Однако, анты опять появились в пределах нынешней Украины. В самом конце IV столетия единство это было разрушено аварами.

В 642 году Аварское царство падает под ударами Хозар. Таким образом, в VII столетии на исторической сцене предкав. казья, Донских степях и нынешней Украины появляются хозары. В период высококультурного, организованного и могушественного Хозарского государства становится уже известными славянские племена руссов, занимающие те же самые территории, на которых в V и VI стол. жили анты, тоже славяне.

В географическом труде византийского писателя X столетия Императора Багрянородного, в перечислении стран, входивших в состав Хозарии, упоминаются следующие: ближайшие к Черному морю (южнее Кубани)—Чигия; далее—Папагия и наконец —Казакия, по греческому мягкому выговору — Казахия. простиравшаяся до низовьев реки Дона.

Целый ряд арабских писателей, историков и географов, повествуя о походах арабов на Подонье, Северный Кавказ и Поволжье, устанавливают наличие славян на Дону, Донце, Нижней Волге, на Тереке и в Кубанском Черноморьи.

В половине VII столетия иностранные ученые устанавливают существование в степной полосе славянской народности — руссов. Во время существования Хозарского государства эти руссы были настолько многочисленны, что арабские писатели называли государство хозар — Русо-Хозарским и Черное море Русским. Эти руссы отличались воинственностью и принимали широкое участие в торговой жизни Хозарского государства, Первое известие о племени Русь, жившем в южных степях, относится к половине VI века. Позднее руссы упоминаются в боях под Цариградом в 626 году и, наконец, вместе с болгарами в 775 г. В житии св. Георгия, приблизительно в 842 году, говорится: „Погибельный делами и именем народ русь опустошил берега Черного моря от Протонтиды до Синопа".

В половине IX столетия, под натиском новых завоевателей из Азиы — торков и печенегов — начался развал Хозарской империи. Сначала оторвались окраины: из Приднепровья образовалось Киевское княжество, а из среднего Поволжья — Камская Болгария. Русы же оставались в составе Хозарской империи.

Камская Болгария, находившаяся под влиянием арабской культуры, в первой половине IX столетия, приняла ислам, а Русь Подонско — Приазовская, находившаяся под влиянием греческой культуры, в то же время приняла христианство. Следовательно, она стала исповедыватъ христианскую веру значительно раньше Руси Киевской. О том, чето Русь Подонско-Приазовская стала христианской страной раньше Руси Киевской, свидетельствует патриарх Фотий и устав Византийского императора Льва Философа о числе митрополичьих церквей, где на 61 листе показана церковь Русская; а Лев Философ жил с 836 по 911 год Киевския же Русь, какъ известно, приняла крещение в 988 году.

В 934 году Святослав совершил поход в Подонье и Приазовье. Следствием этого похода был разгром Хозарской империи и части ее, а именно княжества под именем Тьмутараканского. Таким образом, связь Приднепровских славян с славяно-руссами Подонья и Приазовья, прерванная торками и печенегами, в первой половине IX века опять восстановилась. Но и после этого Тьмутараканское княжество жило обособленной общественно государственной жизнью, сохраняя все свои древнее формы народной жизни.

В половине XI столетия в степной полосе появляются новые завоеватели — половцы. Они снова отрезают Тьмутараканское княжество от Киевского, и связь между ними прерывается.. Поэтому в русских летописях, с конца XI столетия, перестают говорить об этом Тьмутараканском княжестве. Но это, само собою разумеется, не значит, что население его бесследно исчезло. Тьмутараканское княжество перестало существовать как самостоятельное княжество в политическом смысле. Оторванное от центра, предоставленное самому себе, оно еще теснее сблизилось с тюркскими народами, более усиленным темпом началось смешение с инородной кровью, но сохраняя свое славянское лицо, свою христианскую религию.

Через сто с лишним лет, а именно с 1747 года. русские летописцы снова говорят о славянком народе Тьмутараканского княжества, но только называют этот народ в своих летописях „бродниками". Русский историк Голубовский пишет: „Бродники есть община, выработавшаяся из остатков Подонского населения, вследствие исторических и этнографических условий, в которое это население было поставлено... Бродники жили в восточной части степи в Подоньи и по берегам Азовского моря! Имели свои городки, церкви и в незначительной части даже занимались земледелием. Бродники входили в состав Половецкого княжества государства, участвовали в войнахъ вместе с половцами, но часто действовали и самостоятельно. Имели свое общественное и военное устройство и управление. Они представляли из себя настолько серьезную силу, что появившиеся в начале 13-го столетия новые завоеватели монголы установили с ними добрые взаимоотношения

Во время первого Монгольского нашествия, в битве на р. Калке в 1223 году, бродницкое войско, под водительством своего воеводы Пласкини, дрались против половцев и русских князей. Благодаря этому, бродники, будучи на хорошем счету у монголов, сохранили в полной неприкосновенности свое народно — общественное устройство, свою религию и широкую национальную автономию. В 1261 году для этого народа была учреждена Подонская Епархия.

Таким образом, славянское население Тьмутараканского княжества (Подонья), не изчезая, жило в составе Золотой орды, занимая в государственной системе ее положение военно-служилого класса, а внутри себя оставаясь свободным и вольным народом.

Население Подонья, во времена владычества половцев и монголов на протяжении почти 300 лет, было оторвано от Русси, как от Северо-Западной, так и от Северо-Восточной, поэтому естественно сильнее выязится связь с ближайшим соседним народом — казаками (чигами) от которых и перешло к ним имя — казак.

Итак, руссы, казахи, анты и отчасти алане, жившие в пределах Казахии, и являются главными основными элементами, из которых путем смешения образовалось ядро казацкой народности, а не из беглых крестьян и преступников, как пишут в учебниках руской истории. К этому ядру впоследствии действительно бежали великороссы. Шли новгородцы, когда Москва самым жестоким образом задушила эту своеобразную республику, а потом и крестьяне бежали от своих помещиков, пополнялось казачество не одними только русскими: туда вливались и турки, и персы, и поляки и другие народности, о чем свидетелствуют казачьи фамилии: Туркин, Персидсков, Татаркин, Мардвинцов, Поляков, Калмыков, Китайсков, Зырянин и т.д.

Из моего доклада усматривается, что южнорусские степи с незапамятных времен были все время обитаемы то тем, то другим народом, и что из смешения этих народов образовалось Казачество. А почему же, скажут мне, в истории упоминается „Дикое Поле", и что великороссы убегали в это „Дикое Поле"?..

— Да. „Дикое Поле" было. Образование его это странная страница в истории Казачества; это было большое народное несчастье, которое началось со времани Куликовской битвы, когда казаки стали на сторону об'единенных войск князей Юго-Западной и Северо-Восточной Русси. К этому шагу толкнула казаков религиозная нетерпимость татар к христианам. Во время язычества и когда татары находились в составе Великой Монгольской империи, монголы не вмешивались во внутреннюю жизнь покоренных народов, ни тем паче в религию; они были очень веротерпимы; но с принятием татарами магометанства и с выходом их из под влияния монгольского центра, широкая веротерпимость была заменена мусульманским фанатизмом того времени, это во-первых, а во-вторых за полутораста лет господства над ними татар любовь к свободе не угасла, и казаки предполагали, разбив татар, быть снова самостоятельным народом!... Но увы! Русские князья не сочли нужным преследовать татар, а разбитые полчища их ринулись на юг и в порядке мести опустошили казачьи земли. Не успели казаки оправиться от этого опустошения, как в их землях появились новые полчища татар под предводительством Тахтамыша и Тамерлана. Вот с этого времени, с начала XУ века, казачьи земли опустели, и появилось „Дикое Поле".

Куда же девались казаки? Неужели все погибли? Нет. Часть казаков переселилась на север в пределы лесной полосы, в непосредственное соседство с Московским и Рязанским княжествами; на окраине и даже в низовьях Дона поступила на службу возобновленного в 1400 году генуэзцами города Азова, а после захвата его турками, к этим последним; часть поступила на службу генуэзских городов в Крыму, но часть казаков все же осталась на родной земле, забравшись в глухие малодоступные места.

О том, что часть казаков ни куда не уходила и не была уничтожена татарами, а продолжала жить на своей земле, свидетельствует генуэзец Барбаро, долгое время живший в Азове, который в 1436 году писал. что „в Приазовье живет народ, называемый казаками, говорящий славяно-татарским языком".

И совершенно естественно, что как раз с этого времени становятся широко известны „азовские", „генуэзские", „рязанские", „московския" и другие казаки, поступающие на службу, ищущие работы — „батраки", как их называли некоторые русские историки.

Это были первые казачьи эмигранты конца XIV и начала XV века: как и мы сейчас являемся казачьими эмигрантами XX века, после изгнания нас русскими из наших казачьих земель.

Эти далекие казачьи предки, вынужденные эмигрировать, искали службу, работу — „батрачествовали", как это делаем сейчас и мы, казаки эмигранты. Как мы сейчас страстно желаем возвратиться на родину, так и те первые казачьи эмигранты, рвались домой и при первой возможности возвратились в свою родную страну, к тем, которые там остались.

Не смотря на страшные меры московских князей, возвращение казачьей эмиграции продолжалось до конца XУI века. Благодаря этим запрещениям, часть казаков все таки осталась в пределах Московского царства и послужила основанием так называемого „служилого", „городового", „сторожевого", „поместного" казачества.

Оставшиеся и возвратившиеся в родные земли казаки возродили „Дикое Поле" и образовали казачьи вольные республики. Коренное население этих республик казачье, происшедшее от смешения славяно-руссов и тюрко-казахов; следовательно, казаки есть особая ветьвь славян, прямыми потомками которых являемся мы — казаки.

Определив происхождение Казачества, постараемся определить и слово „казак". По турецкому словарю — это вор, разбойник. Да иначе турки и не могли определить, так как казаки, как донские, так и запорожские, залили им, как говорится, за шкуру не мало „сала"; в особенности при атаманах Серко и Сагайдачном.

В половине XIУ века, еше до Куликовской битвы, турецкий султан писал ногайскому князю: „Казаки с Азова оброк емлют и воды у Дона пить не дают". Были и случаи, что и некоторые русские определяют слово „казак", также, как и турки.

Татары называли казаками легко вооруженную конницу; но название это вошло в их лексикон после вторжения их в составе Монгольской армии в Европу; до этого у них это слово не употреблялось, следовательно, слово „казак" не татарского происхождения, как многие думают, а заимствовано у народов, населявших южные степные пространства.

В понятии русского народа, как пишет проф. Костомаров, казак вольный человек. Такое же понятие существует у киргизов и башкир; по киргизски „каз" — птица, „ак" — степь, соединив эти два слова, получаем слово „казак", что значит — степная птица.

Кубанский журналисть Півень определяет слово „казак" так: „Казак вольный человек, никогда не знавший над собой чужого владычества, не знавший рабства. Свободный телом и душой казак есть отпрыск древнего славянского народа. Это сын беспредельных степей, вольный, как воздух, свободный, как ветер". „Казачество... казаки... не колеблюсь сказать: на мой слух это звучит гордо" — говорит Мельников в своей статье — „Казачество",

Но самое лучшее определение слову казак дает один из видных донских казаков середины XIV века Леонов: „Казак слово магическое! Казак, прежде всего, синоним свободы, равенства и братства и уже потом синоним удальства и молодечества"...

Я горжусь, что предки мои были казаки. Я счастлив что могу считать себя сыном этого свободолюбивого народа, который, несмотря на оглушительные удары судьбы, неизменно на протяжении многих веков продолжает тянуться к свободе и самостоятельности.

Я молю Бога и борюсь, чтобы сохранилось славное Вольное Казачество.

Я — казак!...

Письмо в редакцию

Г. Редактору журнала „Казакия"

Милостивый государь Г. Редактор,

Не откажите в любезности поместить в ближайшем номере Вашего уважаемого журнала ниже следующее мое заявление: Сведения напечатаные в отделе „о чем говорят в Казачьем Париже" журнал „Казакия" № 3—4, относительно меня, абсолютно неверны, а именно: Во-первых, никаких „министерских" постов у гр. Граббе я не добивался и не мог на них претендовать, ибо добивался содействия Атамана-быть включенным в первую же группу переселенцев, имевшую быть отправленной в Ю. Америку (тогда на это были надежды). Вовторых, никакого участие в комисии „девяти" (Краснова и пр.) я не принимал, никогда созыва токовой не требовал и о ее заседании узнал, много времени спустя.

Вообще разговоров по поводу созыва такой комисии не мог иметь с гр. Граббе уже потому, что еще до поездки Атамана на Балканы всякие беседы с ним на политические темы, из принципиальчых соображений, прекратил.

Примите уверение в моем совершенном уважении и пр.

А. Бояринов.

А. Н. Трофимов. (Париж.)

Степан Тимофеевич Разин.

(Продолжение).

Зная, что там, на устье, Волги Москва имеет Астрахань, которая, к слову сказат, не была бы у ног Москвы, если бы не донцы, по заявлению Котошихина; зная, что там, в Австрахани, надо только держать всегда сильный гарнизон. Борис решает и с севера подойти ближе к „непослушным“ казакам, чтобы потом, попозже при удобном случае, свести счеты с Доном. Один за одним с 1586 года, по направлению к югу, появляются города Ливны Елец, Воронеж Оскол, Валуйки, Белгород и 1600 году строится город Царев — Борисов уже определенно, по заявлению Годунова, как опорный пункт для борьбы с Доном.

Вообще „последняя четверть XVI века, особенно же во время правления и затем царствования Бориса годунова, ознаменовано энергичным продвижением Московскога государства в пределы Дикого Поля“ . . . Действуя так энергично в стратегическом, так сказать, смысле, Борис в то же время не возражал, чтобы особенно-то не возбуждать недовольства, что казаки сами непосредственно ведут переговоры с Азовом. В годину же страшную Смутного времени Москва и как бы заигривала с Доном — ведь польстить порой. ничеге не теряя, не вредно, и льстили, посылали на Дон грамоты, где не только упоминалось имя Войскового Атамана, а „поименно называлось 2—3, а иногда и 7 атаманов“.

Так поступали тогда потому, что „царство (Московское. АТ) было слишком слабо, чтобы наложить свою руку“. Так шла глухая борьба двух соседей — царской Москвы и Вольного Дона. Этот последний не притязал ни на что, был полон только желаниемъ жить по казачьему обыкновению. Москва же не могла успокоиться, не овладев этим соседом. Пускалось всё в ход. Каждый из них действовал по своему. Борис поставил крепость, а казаки не забыли Борису ни блокады, ни этого злочастного Царева — Борисова и, в дни Лжедмитрия, отплатили своим присоединением к последнему и полным разгромом Царева — Борисова. Шли с Лжедмитрием, но присяги ему не давали — они только сводили счеты с Борисомъ Годуновым, этим царем из татар на руском престоле.

Но лишь только опасность стала грозить самому государству Московскому, народу и вере православной, когда поляки, в дни безцарствия, попытались протянуть свою руку к русскому престолу и когда эти „горе патриоты“ — бояре уже согласны были посадить чужака — польского королевича Владислава на престол, казаки эти „грабители и разбойники“ по мнению русских, как рыцари воли, стали за Москву не за страх, а за совесть. Вышибли польские отряды из Китай — Города, разбили Сигизмунда под Волоколамским и примирили страсти завидующих бояр, готовых уже предать свою родину, подавши свой голос за Михаила Романова на русский престол. „Прочтеше писание атаманское, бысть у всех согласен и единомыслен совет“...

В 1614 году, т. е. ровно через год после этого события, Москва приподносит Дону, в виде благодарности, довольно приятный сюрприз. Дело в том что издавна казаки ходили на Волгу для рыбной ловли, или охоту за зверем. Теперь же, отпиской воеводы Астраханского, Дону эта возможность прекращается. Действует ли он по повелению свыше или нет, неизвестно, но бьет довольно больно по самолюбию казаков, говоря: „Будет которые Донские казаки похотят гулять по Волге для рыбной ловли и для зверья и вам бы велети им приезжать к нам в Астрахань, и мы им учнем давать грамоты, почему им на Волге быти, а без грамоты бы ваши казаки на Волге не были“.

Писали в такой форме приказы и раньше, но тогда писал, грозил, об'являл блокаду сам царь, а здесь рядовой воевода так обращается к Дону, чем еще более жестоко наносил оскорбление. Воевода даже выход на Волгу закрывает, а в Москве бояре снова принялись искать путь — как бы, все таки, получше да почище обойти казаков. Не удалось Годунову, попробуемъ мы, но так или иначе надо поколебать веру друг в друга среди казаков. Надо внести рознь в их среду, надо бросить чувство зависти, чтобы вызвать споры, недовольство. А там, ослабив, перессорив, надо же, надо прибрать их к рукам, надо же заставить их подчиниться Москве.

С этой целью в начале XVII века шлют грамоту на Дон с предложением прислать в Москву, в состав посольства „лутчих“ людей. Замысел был прост и давно знаком, чтобы его не разгадать. Обсудив на Круге, донцы отвечают, что к сожалению „лутчих“ людей у них нет и что они поэтому не имеют возможности этого сделать, что „все они меж себя равны: лутчие — ково они, выбрав, войском, пошлют“.

Постепенно отношения обострялись. Сначала царь жаловался, указывая им иногда, что они его „повеления“ (хотя и не имел права повелевать Дону) не исполняют, что они его „повеления“ ставят ни во что. Затем начались угрозы, а потом было приступлено к репрессиямъ посылкой в 1630 году на Дон Карамышева. Не лестью, не похвалою, так силою, а Дон, все таки, подчинить надо. И Карамышев, приехав на Дон, повел себя еще хуже, чем когда-то Нощекин: грамоты царской на Кругу не пред'являл, говоря, что“ нет у него грамоты государевой, начал самоуправствовать и хотел казнить, вешать, и в воду сажать, и кнутьями бить и ножами резать“ — говорится в отписке казаков; приступил без ведома Круга к сношению „с крымскими и ногайскими людьми“ „Иван Карамышев — отписывают казаки царю — учал с крымскими и ногайскими людьми ссылатца, чтобы нас всех побить и до конца погубить и разорить и искоренить и городки наши без остатку пожечь, чтобы наше донских атаманов и казаков на Дону и по заполью имя везде не именовалось“. . .

Словом, Карамышев пробовал вести себя точно так как бояре привыкли это делать у себя в Московском государстве. Видя это, так необычайное на Дону, самоуправство, неуважение к их законам, казаки схватили царского посла и убили, донося царю:“ и мы, видя его над собою злоумышление от горести душ своих за его великую неправду того Ивана Карамышева обезглавили“. Таков был ответ Донской республики на пóпытку беседовать с ее

гражданами языком, обычным на Москве" — говорит проф. Сватиков.

Москва же на убийство одного посла ответила смертью 70-ти казаков, находившихся там. Настал короткий перерыв сношений. Там, на севере, идет разработка планов по уничтожению Вайска в союзе с врагомъ веры православной — Турцией, а здесь, на Дону, решают, что Дона им" без крови не покидать", для чего входят в соглашение с Запорожцами для защиты против этого несправедливого притязательного соседа — „ . . . с Москвы хоть 100,000 пришлют, то мы не боимся".

Не Хочешь царь Московский, как бы говорили они, жить с нами по хорошему, посмотрим — чья везьмет, а так даром Дона тебе не отдадим и рабами твоих бояр быть не хотим. Создавалось доволь но грозное положение. Но сознание Москвы своей пока еще, все таки, слабости, а Доном — известной материальной зависимости заставляет их через два года, искоса поглядывая, подойти друг к другу с мирными разговорами. Царь на время забывает убийство посла, а донцы попытку царя подчинить их себе. Прошло два года в более или менее мирном сожительстве соседей, но тут вмешивается патриарх Филарет. Не спится, не лежится, не можется и ему. Убежден, как видно, он, что царь и бояре не так повели дело с казаками, нет — они не умеют. Он принял во внимание религиозность донцов. Вот на них и надо надавить со стороны религии. И в 1632 г. „посылается к ним князь Дашков Иван с целью . . . привести казаков к присяге на верность царю. Грамоту (текст присяги) составил сам Патриарх, где требует от казаков верою и правдою служить царю, без царского приказа не ходить ни на татар, ни на турок, ни на Волгу, Астрахань и Хвалынское море, послов московских не трогать. За всё это и за принесение присяги обещает, как патриарх, простить им все грехи вольные и невольные перед Москвой Но казаки, зная себя, любя безгранично свой Тихий Дон, ценою жизни отстаивая заветы былых атамановъ — быть казаками, а не рабами, не долго думая, в том же месяце мае 1632 года „отпиской" отвечают, в общем так: служить готовы всегда, но присягать, целовать крест, быть подданными, рабами . . . да простит нам государь, но мы не желаем. „И крестного целования на Дону как зачался Дон казачьими головами, не повелось".

Далее упоминают о том, что если несли службу, то отнюдь не как подданные, обязанные кля твою, а по побуждению иного порядка. „Многие твои государева службы полявые против всяково государскова недруга за вас, государей, служили без кресного целования неизменно и не за крестным целованием за ваше государское имя стоим и умираем". . . .

Надо отметить, что первое время этот царь, как казачий ставленник, был очень любезен с Доном. Шлются самые похвалные грамоты, снимается блокада, дела донские переходят из Разряда в Посольский Приказ. Все горести и заботы Смутного времени сильно подтачивают силы Москвы, и московичи некоторое время были с Доном достаточно вежливы, заботливы, учтивы да приветливы. И сам Освященный (духовный) Собор, посылая тоже грамоту на Дон, не пробует упоминать о „верховых и низовых", а вероятно в порыве благодарности и „братской" любви к казакам за защиту против поляков, за помощь в разрешении вопроса о пресголе, адресует свою грамоту прямо „всему великому Войску". Много здесь похвал и не меньше обещаний: „А за свою нынешнюю и прежнюю многую службу вы . . . от всемогущего Бога милости, а то царя великого жалованье, от всяких людей Московского государства славу и похвалу будете иметь". . .

Казаки, беспощадные к себе и врагу в боевое врямя, здесь, при таком участливом отношении к ним со стороны Москвы, не оставались в долгу, отвечая также любезностью царю — что они так довольны за внимание, за оценку их былой службы что выслушав грамоту „и звоны звонили, и молебны пели, и милости у Бога просили о Твоем Государеве многолетнем здравии, из наряду и из мелкого ружья стреляли, и служить тебе, великому государю, ради все душно".

Далее идут уверения в том, что они согласны „на крымской и ногайской стороне по шляхам" раз'езжать и „по перевозам" лежать и с азовцами нет „тюмшаниться" и „все душно рады Божью волю и твою царскую творить во всем до исхода души своя". Говорят они также и о том, что они, казаки, такие теперь „паиньки", что забились теперь по своим „юртишкам" и порешили: „Для тебя самодержавного государя ни под Азов, ни на море не бывити, ни на перевозы ни в походы не ходити" что они не только сами готовы на все, но даже" . . . многижде пишем и приказываем к атаманам и казакам волжским и терским, и яицким, чтобы они убоялись Бога и держались правды и . . . с ними неотступно были" по отношению к царю Московскому.

Царь так доволен, что посылает к ним на Дон дворянина Опухтина, который в Кругу „спросил их от государя о здоровьи". Видите, как учтивы были временами эти два соседа. Лучшего, как будто, и желать нельзя. Но как только царь потребовал от них в 1630 году „идти на государева недруга на польского короля землю с турскими пашами с Мурзою да с Азбою вместе", как казаки возмутились этим требованием. Поляки, все же христиане, а тут царь хочет, чтобы они, казаки, шли бы вместе с своими давними врагами проливать христианскую кровь! Это просто противоречило убеждениям донцов и они, собравшись на Войсковом Кругу, отвечают отказом: „Мы от Божьей милости не отступники, а тебе, государь, не изменники . . . (но) николи, государь, во крестьянстве кроворазлития не хотим и не желаем, и сами, мимо своей крестьянской веры и мимо твоего российского государства, в бусурманскую землю турским пашам на помощь на литовскую землю идти не хотим".

„Они — говорит проф. Сватиков — не только воспротивились исполнению царского поведения. но и посол царя, пытавшийся угрозами заставить их повиноваться, был обезглавлен". Так вот постепенно вырисовывается перед нами многокрасочная картина взаимоотношений этих двух соседей. Одна (Москва) не отказывается от помощи, иногда благодарит, забывает и, как ни странно, злится и стремится свести с Доном какие то счеты, угрожая иногда даже союзом с Турцией (Борис). Другой (Дон), как ловкий боец, отводит удары, наносит иногда и сам, но лишь только меж ними станет третий или начинает грозить соседке злой, как он всеми силами идет на него и выручает спесивую, гордую и жадную Москву. И в первые годы царствования Михаила Феодоровича между Москвою и Доном установились было самые лучшие отношения. Но, к сожалению, с исто-

рической точки зрения, это было лишь мгновение — не больше.

Московские правители, в дни хороших отношений, все таки, позволяют себе довольно часто вмешиваться во внешние отношения Дона со своими соседями, где уговорами, убеждениями постоять за царя, где советами — ничего не предпринимать против тех или других соседей ради общих интересов Москвы и Дона, а где просто угрозами стали добиваться в этой области успеха.

Сначала Дон решал все сам, а потом стал прислушиваться к голосу Москвы. Поступать так побуждала известная материальная зависимость Дона от Москвы, так как Дон того времени на имел каких-либо мастерских для приготовления селитры, свинца, и пороха. Надо было их получать оттуда. Отчасти, хотя и не всегда, получали хлеб, сукна, как плату за свои дела в пользу Москвы. Кстати, проф. Фирсов так определяет это царское жалованье на Дону: „Ведь оно (Московское правительство. А. Т.), под видом государева жалованья, в сущности платило *дань* владельцам Тихого Дона". (Фирсов. „Разиновщина". Стр. 15).

Причиной этого внимания к голосу Москвы была общая вера православная, тем более. что приходилось постоянно дело иметь все с людьми иной веры: татарами. турками, горцами, ногайцами, калмыками и пр. В силу вот таких-то условий, донцы, *как менее* опытные *политики*, дали возможность москвичам обойти себя „с тылу", если можно так выразиться.

Такому, на первый взгляд безобидному, как будто очень участливому, дружескому, а впоследствии роковому для Дона, вмешательству Москвы в казачьи дела много способствовала казачья старшина. После того, как северные соседи использовали много средств для подчинения себе донских казаков, видя что ни ласки, ни проба разделить на верховых и низовых, ни грозный царский окрик, ни угроза идти на них не действует, все это донцы как то умудряются или отстранить, или истолковать в свою пользу, действуя всегда дружно, вместе, сообща, — вот тогда то, вероятно, и мелькнула у правителей Москвы, или их помощников — бояр, мысль, что донцы, ведь, тоже люди, что и они подвержены человеческим слабостям. Если так смело и дружно отвечают на все наши попытки „приласкать" или устрашить их, так не происходит ли это по нашей собственной вине!?

Все наши попытки были слишком открыты; мы делали большую ошибку, об'являя наши намерения перед всеми казаками на Кругу. Надо повести дело иначе. Надо, во что бы то ни стало, добиться розни в их среде, не высказывая открыто своих сокровенных вожделений. Неужели же, как бы рассуждали бояре, среди их особенно видных людей не найдется таких, который бы не польстился на заманчивые подарки . . . на обещания, конечно, тайно сообщаемые им? . . . Неужели нет возможности кого-либо из них склонить на нашу сторону златом, серебром, богатыми подарками, или обещанием дать ему боярство, или чего другого, что может выделить его из среды равных и польстить тщеславию.

Рассуждая так, москвичи начали действовать и, наконец-то нашли они правильный путь, — путь расслоения и обессиления Дона изнутри. Некоторые из видных боевых казаков, пользующихся славой и и доверием „клюнули" на эту удочку. Эти усилия Москвы привели к тому, что в XVII веке многие из казачьей старшины начали постепенно отходить от общеказачьей массы и начали часто и пристально присматриваться к завидному положению бояр на Руси, воевод и дворян, не связанных в своем положении от капризной воли массы, от народа.

Начала у некоторых из них затумaниваться светлая казачья голова, начали холодеть сердца к чести казачьей, к воле общей, к равенству, к независимости Дона. Под настойчивый напев сладкоречивых посланцев царских- начинала настойчиво сверлить их мозг преступная по отношению к своей отчизне, но заманчивая для них самих мысль: а не худо было бы отделаться от влияния этой бурной и строгой казачьей массы, не дурно было бы чем либо выслужиться перед царем или велможными боярами там смотришь и пожалуют чем-либо.

Хорошо, все таки, быть боярином, то дворянином — владелцем рабов. Ни совету тебе, ни указу, ни приказу и ни ответу перед этой галдящей „толпой", перед этим шумным, своевольным войском, который за малейший проступок, не взирая на заслуги, может посадить „в куль да в воду" . . . Живи себе паном, да поглядывай только, что бы получше на тебя работали. А прибылей ни с кем дуванить не обязан. Хорошо московским боярам, очень хорошо!...

Эти мысли у таких старшин незаметно переходили в слова и советы на круге; слова — в дело, полезное Москве. Вначале такие люди действовали порознь, но по пословице — „рыбак рыбака видит издалека" — стали сходиться, совещаться совместно, чтобы легче провести свое предложение на круге. Эти совещания впоследствии (уже после Степана Разина) вылились в образование, так называемого, — Совета Старшин. С 1640 года эта группа получила название — старшины. (Продолжение следует).

Проф. Ф. А. Щербина (ЧСР)

Пережитое, передуманное и осуществленное

IV. Семейное событие.

От Тимоши было получено письмо. До гор. Ставрополя, в котором учился Тимоша, от стан. Деревянковки считалось 400 верст, и город этот находился в чужой губернии. Письма поэтому шли долго и получать их было трудно. Ни в Новодеревянковке, ни в ближайших к ней станицах не было почтовых отделений. Ближайшие почтовые пункты были в станице Старощербиновской и Каневской. До первой станицы было 37 верст и столько же до второй. По дороге в Старощербиновку находилась Новощербиновка и, благодаря близости станиц, никаких происшествий по этой дороге не происходило, а до Каневской приходилось все 37 верст проезжать степью да через болотистую речку Мигуту, въ камышах которой временно скрывались харцизы, и дорога, особенно ночью, считалась небезопасною, но и поездка, даже на лошади, в Старощербиновку, при расстоянии 75 верст туда и обратно, длилась больше суток, а казачки, ходившие пешком за письмами возвращались домой не раньше суток.

В том году, когда было получено писмо от Тимоши, станичным атаманом в Новодеревянковке был Макар Метвевич Вольховский, человек еще молодой, хорошо грамотный и остроумный. Его выражения: „спать хочется, аж деревья гнутся", или „урізали до положения риз" т. е. напились до

бесчувствия, ходили по станице, как образцы остроумия. И вот Макар Матвеевич завел впервые порядки, которые всем пришлись по душе.

Так как „летюками" — посыльными на лошади — были мальчики, то посылать их в дальнюю дорогу да еще с такими поручениями, как получение и отправка корреспонденции по почте, было рисковано. Атаман „придумал" посылать за получениями и отправкой корреспонденции раз в неделю на лошади летюка, взамен его, одного из расторопных „огневиков", т. е. казаков, постоянно днем и ночью дежуривших при правлении на случай пожара в станице.

Таким способом и было получено письмо от Тимоши. Это было событие не только в нашей семье, но и в целой Деревянковке. Казачки при встрече делились новостью: „чи чули, сестро, що матушка вдержали письмо од сина аж из самого Ставрополя?!"

— Що ж, про войну не пише? —осведомлялась сестричка.

— Ні, не пише! — получался успокоительный ответ.

Читать письма от мужей, казачки носили большею частью к Харитону Захаревичу, который ничего не брал за это, а когда писмо читал станичный писар, то за прочтение письма требовал или вишень, или яблок, или груш, или арбуз и дыню, смотря по сезону, а деньгами — пятак. У нас дома письмо читала сестра; мать была малограмотна, читала только печатно да и то чрезвычайно редко; „за работами мені ніколи читать" — поясняла она. Мы всей семьей — мать, я и даже маленький брат Андрей, немедленно собрались, как только письмо было принесено из правления.

В письме Тимоша сообщал, что он выдержал уже большую часть экзаменов, надеется скоро справиться с останальными и тогда немедленно двинется к нам и, если не будет дома на Петра и Павла, то несколькими днями позже мы непременно увидим его.

— А ну, Домочко, почитай мені ще раз письмо, бо я не поняла з ким і як Тимоша пріиде — сказала мать.

— Він пише — ответила Домочка, — що пріиде, а з ким і як, про це не пише.

— От тобі і на! — воскликнула мать, — пише, що пріиде, а кому прийдеться платить за проізд, про це ні слова. Як же мені бути?!

Дело в том, что поездка учащихся в Ставропольской семинарии туда и обратно соединена была с большими затруднениями и расходами, особенно для таких отдаленных от Ставрополя местностей, как Черноморье. Обыкновенно духовенство из разных станиц сообща нанимало большой фургон и посылало этот удобный при дожде и жаре экипаж за учащимися в Ставрополь. В прошлом году, ограниченные денежные средетва не позволили матери взять Тимошу из Семинарии домой, и он не был дома два года. Мать сильно волновалась, что и в этом году она не увидит сына, хотя и убеждена была в том, что Тимоша во время каникулов будет дома.

— „Если Тимоша пише, що пріиде то буде дома" — утешала она себя и нас. Так или иначе, а она решила подготовить средства как на оплату проезда в фургоне, так и на экстраординарные покупки чаю, сахару и др. предметов домашнего обихода, чтобы обставить возможно лучше старшего сына на дому. Над этою задачею она и призадумалась.

Как просфирня, мать получала за просфоры по 10-ти рублей ежемесячно из церковных сум, но из них 3 рубля в месяц затрачивались на покупку крупчатки для просфор, а остальных 7 рублей не хватало на домашние нужды. Вот почему мать и задумалась, как и сколько к приезду Тимоши добыть денег. Обыкновенно на большие экстраординарные расходы мать извлекала средства от продажи разводившихся в домашнем хозяйстве животных, но в то время не было лишних ценных животных для продажи, и мать, после некоторых колебаний, решила продать телицу Мазуху.

Мазуха была рослая, красивая и очень ручная трехлетка телка, которую мать очень ценила и берегла, а мы, дети, любили и баловали теличку, нося ей куски хлеба, корки от арбузов или дынь, кукурузные качаны, куски тыкв, даже „грудочки", каши и т. п., почему она и была названа Мазухою. Узнавши, что мать хочет продать Мазуху, все мы всполошились и начали упрашивать мать, чтобы она не продавала любимой телицы. А пастух Охтиан, пригнавши вечером из степи коров во двор и узнавши об участи Мазухи, стремглав прибежал к матери и бухнул ей в ноги. Стоя на коленях, он с плачем умолял мать не продавать Мазухи.

— Вони ж оті клятi купці на заріз ії куплять! — восклицал Охтиан — зідять нашу несщасну Мазуху. Ой, горечко, горечко! — заливался горючими слезами Охтиан, а мы с братом потихоньку вторили ему.

Охтиан сильно любил скот, которой он пас и заботился о нем, как мать о детях. Мазуха же у него была самое любимое дитя после бугая Папуся.

— Вона ж — характеризовал Охтиан Мазуху — так смирна, разумна та понятлива, мов та людина.

И Охтиану и нам мать говорила успокоительно: „Та добре, добре!" и не давала никаких обещаний. Когда же наступило время отправки Мазухи в Старощербиновку на ярмарку, начинавшуюся неделею раньше наступления праздника Петра и Павла, то накануне отправки на продажу мать поручила работнику Явтуху — взять ночью Мазуху на налыгач и увести ее скрытно к соседу Трохиму Хаблу, который рано утром отправлялся на ярмарку и согласился туда же доставить и Мазуху, привязавши ее к возу. Мы спали, а Охтиан не заметил, как и куда исчезла Мазуха, плачучи по Мазухе как по покойнице. И мы с братом Андреем оплакивали любимую теличку. Это была для нас чувствительная потеря.

На ярмарке за Мазуху дали необычайную цену — целых 25 рублей и два покупщика, по рассказу матери, ездившей на ярмарку, едва не подрались из за Мазухи. Тот из них, который сам набавил к 20 рублям, предложенных за Мазуху соперником еще 5 рублей, взял верх. Хотя мать продала Мазуху скрепя сердце, но была очень довольна, получивши за нее токую приличную сумму. Это давало ей возможность удовлетворить любящее материнское сердце.

Домой мать приехала утром в день Петра и Павла, а накануне вечером явился из Екатеринодара и другой старший брат Василий. Целый день в этот праздник все мы ждали и выглядывали не едет ли Тимоша, но настал вечер, пришла ночь — Тимоши не было. Это заметно смутило мать и нас, детей. На другой день, на Полупетра, повторилось почти то же. Ни с утра, ни в обед не было Тимоши. Солнце начало склоняться к вечеру. С теневой стороны дома мать приказала разостлать ряднину и поставить на ней сирно для чашек и с'естных припасов. Закипел самовар. Началось чаепитие. Мать два раза со вздохом произнесла: „Де то тепер Тимоша?" Делались разного рода догадки и предположения; на эти темы все увлекались разговорами.

В это время, какой-то, как мне показалось, странный человек перелазил через доски, которыми был отгорожен от станичного правления наш двор. Он был в синих нанковых штанах, в каком-то сюртуке с фуражкой на голове и нес в одной руке палку, а в другой небольшой узелок. Я всмотрелся в незнакомца и вдруг в моей голове мелькнула догадка, что это Тимоша.

— Тимоша! — закричал я и побежал к нему на встречу. Когда я подбежал к нему, он пытался обнять меня, но я, схвативши его за правую руку, припал к ней и начал целовать, переисполненный бурною радостью. Возле хаты все тоже повскакивали с мест и бежали к Тимоше. Крики: „Тимоша! Тимоша!", об'ятия, поцелуи, радостные слезы у матери и сестры — все это смешалось и перепуталось под дружным порывом нахлынувших на всех радостных чувств. Это была такая спаянная родственная встреча, какой я не помню во всей своей жизни. Воспоминания о ней волнуют меня и сию минуту, когда я пишу эти строки, и если бы меня спросили тогда, что собственно так радовало меня, то я не смог бы ответить на этот вопрос, а сказал бы: „Тимоша приехал!".

Тимошу все любили, на Тимошу возлагали большие надежды, что когда он окончит курс в семинарии и женится, то непременно будет священником в Деревянковке. Также думали и деревянковские казаки. Они заранее говорили, что составят приговор, что бы Тимоша был у них „пан-отцем", а об отце Касьяне попросят Архиерея, чтобы он перевел его из Деревянковки на другое место. У казаков была твердая вера в свои права назначения общественными приговорами духовных лиц на месте в своей станице, как это водилось еще недавно в Черноморьи. И все думали, что так будет непременно и с моим братом, до того было сильно это общее желание.

— Та який же ты, Тимоша, великий став! — неожиданно раздался голос маленького Андрея, после того, как прекратились первые порывы радостной встречи.

Все засмеялись. Смеялся и Тимоша.

— А каким же ты, Андрюша, видел меня в последний раз? — спросил в свою очередь Тимоша братишку.

— Ось яким! — и Андрей изобразил его рост рукою себе по пояс. Тут уж раздался общий хохот.

Тимоша, по мнению матери, сестры и брата Василия, действительно сильно вырос за последние два года сравнительно с тем, как они видели его в последний раз. Росту он был выше среднего. На верхней губе показался черный пушок. Выглядел он серьезно и спокойно, как взрослый человек и рассказывал не торопясь о том, о чем спрашивали его.

Тимошу усадили на стул, налили ему чаю, положили свежеиспеченный хлеб, принесли масла, сметаны, молока и пр.

— А мне таки сильно захотелось есть, я ел сегодня только зеленый горох — сказал он, принимаясь за чай и еду

— А як же ти приїхав? — спросила Тимошу мать, когда он наелся и напился чаю.

— На своих ногах! — ответил он, смеясь.

— Як? Пішком? — переспросила мать.

— Пешком! — подтвердил он и подробно рассказал о своем путешествии. Мы молча и с интересом слушали его рассказ. В предшествующем году Тимошу не пустило начальство из бурсы потому, что он собирался идти домой один, а в этом году он заранее подговорил целую группу товарищей на отправку домой пешком во время каникул, заходя по пути в те места, в которых они жили и придерживаясь направления по линии от Ставрополя на гор. Ейск при Азовском море в Черномории. В группу набралось 18 попутчиков. Начальство охотно разрешило такой группе идти пешком и даже отпустило их раньше праздника Петра и Павла.

Идти пешком, по словам Тимоши, было весело, удобно и дешево. Из 18-ти в 15 местах они заходили к родным тех товарищей, которые жили в ближайших по линии путешествия местах, а там, где не было таких товарищей, они останавливались на короткий отдых у кого-либо из духовных лиц, каких знали семинаристы. Их охотно всюду принимали, кормили и снабжали на дорогу с'естными припасами. Поэтому не было надобности в денежных расходах. Только у некоторых были деньги, в том числе и Тимоша имел 1 рубль 40 копеек, с которыми он дошел до Уманской станицы, издержав только 25 копеек.

В Уманской товарищ снабдил его только куском хлеба, так как дома у него не оказалось ни отца, ни матери, находившихся на сенокосе, а Тимоше очень хотелось скорее придти домой. Дальше у него уже не было попутчиков. Поэтому в Уманской, большой и торговой станице, он истратил 95 копеек на гостинцы домой — на пряники и на два платочка, один для матери, другой для сестры, оставивши на всякий случай 20 копеек.

От Уманской до Деревянковской он шел в течении двух дней. Ннчью он спал под стогом сена в степи, а днем отдыхал где приходилось, так как по случаю праздника Петра и Павла почти не было людей в степи. В первый же день он с'ел почти весь хлеб, а на второй день рано утром позавтрикал остальным маленьким кусочком, и так как в степи не у кого было купить хлеба, то он решил идти домой не евши, расчитывая вечером быть дома, как и случилось.

В полдень ему очень захотелось поесть чего нибудь и, на счастье, по дороге он увидел курень, возле которого сидела девочка. То была „царина“ козака. Девочка срывала из зеленого куста стрючки гороха. Он сел также у куреня и не решился спросить у девочки — нет ли у нее хлеба, так как девочка сильно испугалась его. Но есть очень хотелось и он спросил у девочки — можно ли ему есть горох? Девочка молчала. „А я — говорил Тимоша, смеясь — принявши молчание за знак согласия, накинулся с голоду на горох. Утоливши немного свой аппетит, он ласково спросил девочку — чего она молчит?

Девочка как бы очнулась и сердито заговорила;

— А того, що ти пожер богато гороху. Горох стрючками мати продае лавушникові в станиці і буде мене лаять що я мало обіравала стрючків. Вона мабудь скоро приіде сюда — закончила девочка.

Сначала, по рассказу Тимоши, он хотел расплатиться с девочкой деньгами за горох, но у него было деньгами два гривенника, и ему жаль было давать целый гривенник, так как это была бы непомерно высокая плата за стрючки.

— У меня была зутылка для воды — рассказывал Тимоша. — Я выпил из нее воду и отдал девочке за горох. Скажи, говорю, матери. что ты продала гореох за эту бутылку. Сам я, добавил Тимоша, отдал за нее в Ставрополе на базаре 3 копейки.

Девочка сразу повеселела и, взявши у Тимоши бутылку, с восхищением воскликула. „Яка же гарна!„...

Стекляная посуда была редкостью в то время в наших станицах, особенно находившихся в глуши.

Тогда Тимоша, доставши из кулька два праника, передал их девочке. Тут уже девочка совсем развеселилась и с грубого „ты“ перешла на „вы“.

— Та вы, говорила он, візміть іще гороху. Хіба ж так лаушник чи кабатчик дав би матери за горох бутылку та ще пряників? — высказала она Тимоше свои соображения и начала ему совать в карман горох.

Я набил на дорогу оба кармана, а девочка весело смеялась и убежеала: „Та візміть ще й за пазуху!“...

Тимоша не дождался приезда матери, которую все время выглядывала девочка, приговаривая: „Ні, мама ще не идуть“.

— А вот и гороховые стрючки! — закончил свой рассказ Тимоша и выложил стрючки на сирну.

Андрюша и я немедленно завладели большею, частью этой лакомой зелени. Горох этот все ели, как какую редкость, принесеную Тимошей, и расхваливали. Когда наступила минутная тишина, маленький Андрей снова завладел всеобщим вниманием.

— Добрий горох! — говорил он — а ну лишень Симоша, покажи, які пряники печут в Уманській? — серьезно, как взрослый, обратился он к Тимоше.

Раздался снова дружный хохот.

Тимоша схватил узелок и, развязывая его, говорил Андрею: — Ну спасибо тебе, Андрюша, что напомнил мне, Я так исправно ел и пил, что забыл угостить тебя пряниками.

Тимоша развязал узелок и передал все пряники Андрею со словами:

— Ты, Андрюша, я вижу, старший в доме, подели пряники!

Андрей взял пряники стал раскладывать на кучки. Сестра восхищалась красивыми платочками для нее и для матери. Мать была тронута вниманием Тимоши, подошла к нему и горячо поцеловала.

— А мене? — обратился Андрюша к матери — Я ж старший!.. Мать целовала со смехом и Андрея, и все весело смеялись.

Так в родной обстановке и в дружном единении встречен был Тимоша. Дома он был поставлен матерью в наиболее благоприятные условия домашнего довольства и заботливости, пользовался он всеобщею любовью и сам платил тем же.

(Продолжение следует).

С протянутой Рукой. . . В 200-м номере жур. „ВК„ г. редактор его обращается к вольным казакам в Болгарии и в особенности к Предс. Центр. Правления Казаков Националисов П. Н. Кудинову. Прикинувшись казанской сиротой, г. И. Б. в этом воззвании бросает упрек казакийцам („оппозицию“, как он называет), что вот, мол, я и мои подчиненные протягиваем братскую руку, но вы всё отказываетесь принять.

Воистину нужно быть ИБ, чтобы выкинуть подобный трюк!.. Хотел бы я знать, когда это крыло „Казакии“ уклонялось от об'единения с казаками? Г. Б. вероятно забыл, что самочинно разогнал Малый Круг, так или иначе представлявший вольно-казачью общественость. члены которого держали связь и соприкасались с массой и этим самым внес раскол в ВК семью. Забыл, вероятно, и то, что я два вечера потратил, уговаривая Б. не углублять этот раскол, ибо знал как он начинает проникать в ВК массу и как вредно отразится на дело.

Но он тогда был непреклонен. Было очевидно, что он слишком много верил в силу мошны, Он считал, что „оппозация“ без субсидий скоро умрет, и тогда можно будет действовать так, как это захочется ему „любимому вождю“, не считаясь с мнением Казачества,

Оказалось, что „опозиция“ не умерла, а наоборот разростается, а ряды „вождя“ не по дням, а по часам тают. Да оно и понятно, ибо казаки, как люди правопорядка и законности, не могут работать совместно с Б., как человеком всякого беззакония. Они слишком дорожат своими историческими традициями.

Удивительно, все-же таки: г. Б-й, выливши несметное количество помоев на „оппозицию“, нанеся ей столько незаслуженых моральных пощечин, почувствовал угрызение совести и пустил крокодилову слезу. Это называется-для удержания власти все средства хороши. . . Не мудрено, что он остался с протянутой рукой!

Нет, господин „Походныи“, если у вас проснулась совесть, то самое лучшее, что вы можете сделать, это-просто уйти с политической сцены и предоставить вольным казакам самим решать вопрос нашего об'единения, ибо ваше участие в этом деле вредит. Примеры налицо:

В Чехословакии, после 5 лет работы вы остались в единственном числе. Перебрались во Францию, где до вашего приезда все вольные казаки представляли из себя мощную, крепко спаянную казачью семью, но вы умудрились и здесь внести раскол. Вы просто роковая фигура для всякого полезного казачьего дела.

Вы, кажется, специалист по математике, так займитесь по своей специальности, ибо политика вам не по плечу. Да здравствует Вольное Казачество! В ком не угасла еще кровь казачья, все под свое казачье знамя! Долой „вождей“ спекулянтов!

А. Лысенков (Франция)

Николай Келин (ЧСР).

ПИСЬМО ДЕДУШКЕ.

Ты пишешь, дедушка,
Чтоб я тут не скучал
И весел был,
Забывши о станице.
Я знаю, скажешь ты,
Что ты всегда мечтал,
Чтоб внук твой в будущем
Учился за границей . . :

Ты говоришь, что счастлив
Бесконечно,
Что я хожу в чужой
Университет . . .
Все это так, все так,
Конечно,
Но все меняется в
В потоке бурных лет.
Когда с тобой, бывало,
По дорогам
В донских степях
Мы коротали час,
Ты так рассказывал
Мне о Европе много,
Украсив вымыслом
Немудрый твой рассказ.

И что дома тут вьше
Колокольни,
И что науку с русской
Не сравнять,
А я глядел, как конь мятет
Кукольни,
И начинал его сильнее
Погонять.

Ты так любил хвалить мне
Все чужое,
Не зная нашего, совсем не зная,
Дед;
На нас глядело небо
Голубое,
А я тебе поддакивал
В ответ . . .

И так весь день, размяв полынь
В ладони,
Мы говорили, слушая
Ковыль,
О странах дальних, книгах
И о Доне,
А степь мела нам на колени
Пыль.

Теперь я тут — в заветных
Заграницах,

Хожу в чужой, — не наш
Университеть,
И все мечтаю только
О станицах,
Как ты мечтал об этом крае
Дед.
Все тут не так, как думали
Мы оба,

Директор К. Маглен **Инж. Ф. Шуянский**

Наши друзья Чехи, оказавшие большую услугу казачьей емиграции

Тут все не так, как ты мне
Говорил,
Но я не пишу тебе об этом
Чтобы
На склоне лет тебя
Не огорчил.

Пойми, старик, мы ошибались
В этом,
Не зная своего, мечтали
О чужом.
Теперь же я, прошедши
Белым светом,
Ценю вдвойне покинутый мной
Дон.

Но, дедушка, голубчик,
Не печалься!
Все нужно в жизни
Крепко испытать...
Что-б написал тебе в письме
Я дальше? . .
Да, да — блюди мою старуху
Мать.

Пиши мне вновь, как вставши
Спозаранку,
Поить ты ходишь наших
Лошадей.
И как пиджак твой старый
Наизнанку
Ты порешил, чтоб был
Хоть чуть новей.

Я знаю, дед, — не сладко
Вам в советах,
Ты не привык баклуши
В жизни бить.
Теперь придет пожалуй
Скоро лето,
И ты уйдешь в луга
Траву косить...

Но власть проклятая
Упрямо точит силы,
Ваш быт упористый
Смололи жернова,
Твоим глазам на все
Глядеть постыло
И слушать дикие,
Ненужные слова.

Терпи, старик! Былого
Не воротишь.
Пиши почаще в Прагу
Письма мне,
А я уж постараюсь,
Как ты хочешь,
Быть важным доктором
В далекой стороне.

9. 1У. 1933.

М. С. (Болгария).

О РОДНОМ КРАЕ

Я помню Дон: пески и лес,
В небе солнце, солнце знойное,
И мягкий блеск родных небес,
Житье веселое, привольное...

Уйдешь на целый день в поля,
С утра до вечера шатаешься;
Куда ни глянь — своя земля...
Кричишь, поешь и улыбаешься.

И всяк тебе и друг и брат,
Душе все милое, знакомое,
Былинке и цветочку рад
И даже любишь насекомое!..

Толпою казачки прошли,
Толпой красивой и нарядной,—
Цветы моей родной земли,
Любимые и ненаглядные.

Запели стройно вдалеке,
И сердце грустью затуманило,
В зеленом скрылися леске,
Что за широкою поляной.

И тихо стало, лишь волна
У берега колышется,
Да песня, зовами полна,
В дали, за лесом, все слышится

13—У—1936.

Бабушкин перст

Ивану Безуглову

Задонская степь — единый в мире уголок: Что по сочному разнотравью, простору равнины, по глубоким балкам — зимним затишкам, что по климату, это — лучшее лошадное место. Не даром из далеких ущелий Алтая пригнали сюда свои золотистые табуны ойраты. Не даром задонские табуны пережили ойратов, самую Россию и переживут адово красно-звездие ...

Когда из табунных просторов Задонья были вытеснены ойраты, много десятков лет Задонская степь с ее табунами принадлежала толко донской старшине. Тут было царство Чернозубовых, Иловайских, Кузнецовых, Кульгановых, Кутейниковых, Кирсановых — зятьев или родни войсковых или наказных атаманов донских. Если для русских дворян были рабы мужики и поместья по Руси, то для донской старшины была Задонская степь с ее табунами, гуртами и дешевым, незаменимым калмыцким трудом. В это старшинское царство простой казак не проникал.

Только станицы Константиновской старовер Иван Андреевич Корольков из хутора Кошкина первым из трудовых казаков пробил брешь в этой старшинской стене Задонья и завел коннозаводство. И пошла с тех пор шириться и расти казачья народная лава, все крепче охватывая это лошадное царство. Не прошло и трех десятков лет, как одних Корольковых кашар разкидалось по степи до двадцати ...,

Супруга Ивана Андреевича Королькова — Феодосия Даниловна — была известна на все Задонье, как женщина — командир. Она безраздельно царила не только в своем доме и кашаре, но и во всем окруженьи. Власть Феодосии Даниловны признавали и чужие, даже заезжие гости, старые и малые. Не сходя с крыльца своего дома, она так умела дергать хозяйственными нитями своей кошары, что работа кипела и спорилась в руках рабочих. Все почитали и боялись твердонравной и справедливой Феодосии Даниловны.

Но не бывает же человека без слабости: Слабостью Феодосии Даниловны был старший сын ее первой дочери Анны — племянник Ваня Бездомнов, общий баловень двух богатых коннозаводческих домов — Королькова и Бездомнова.

Судбой Ванюши распоряжалась сама Феодосия Даниловна ...

Как ни отдалены задонские кашары от больших дорог, как ни просторна степь, как ни глухи зимовники, растерянные по ней, но октябрьская кровавая волна зарябила и воды Задонья ...

В чепракском зимовом доме Ивана Андреевича Королькова стал на квартиру штаб Походного Атамана генерала Петра Попова.

Реалист-семиклассник Иван Бездомнов стал собираться со степняками в поход. Увидела это бабушка Феодосия Даниловна и поговорила наедине с Походным Атаманом, а выйдя от него сказала: „Никуда ты, Ванюша, не поедешь. Сиди дома. Ничего!"

Хоть и был Ваня бабушкиинъ баловен, но ослушаться ее не вздумал ...

Квартировал потом в доме Королькова и Голубов — большевик, и стал он подбивать Ваню к себе в адьютанты. И с ним поговорила бабушка Даниловна вчистую и приказала племяннику", Держись ты от него подальше, не мазоль глаза, не велика честь босяками — то командовать ... Враг он Дону".

Когда позднею весною 18-го года вновь вошли степняки в Чепрак и поговорила Феодосия Даниловна с своим братом, известным на Дону генералом Ивном Даниловичем Поповым; по прозвищу „Поповчерный", и весело приказала Ване: „Ну, Ванюша, собирайся в поход казак, иди служить Дону. Седлай себе „Фантазию„ и поезжай с отрядом!"

И выехал Иван Бездомнов во поход на супротивников казачьих на чудной красавице скакунье „Фантазии" — мечте всех молодых лошадников Задонья. Сотню лет, из рода в род, крепкими корнями связаный с Донской степью, потомок донца и запорожца, Иван не знал и не ведал ни Россий, ни русского народа. И по крови и по духу казак, русских он знал, как сезонных рабочих в кашаре, а после октября узнал и как отменных грабителей, безбожных анархистов ...

И не раз рыжая красавица „Фантазия", сверкая белыми чулками стройных стальных ножек, резвой бабочкой вертелась под сверкающим палашом меж панических красноармейцев. За совесть бился с врагами Дона молодой казак Иван Бездомнов.

Когда Задонье было свободно отъ людей, табунов, отар и гуртов, росли здесьпо балкам дикие яблоневые рощи, А как залюднела степь и закипела животными, стали изчезать и яблоневые рощи. Только кое-где, осиротелые корявые деревца, глубоко укоренившись в родную почву, продолжали упорно держаться по склонам иных крутых балок, твердыми, кислыми, мелкими плодами удивляя поздних хозяев степи.

Так, одиноким, скривленным, но крепким степным деревцам, сиротой, осталась из всего своего богатого и многолюдного рода Феодосия Даниловна, с своей старшей дочерью —Анной, матерью Ванюши, теперь такою же бабушкой, как и сама Даниловна.

Покинув родное Задонье, где их все знали, затерялись они в большом городе и убогими бесправными старушками доживали дни под ненавистным молотом кровавой Москвы.

Только тихие воспоминания вдвоем сказочного Задонья да редкие писма отъ их милого Ванюши из какой-то неведомой Чехословакии составляли всю радость счастье старушек, так и скромные его переводы поддерживали жизнь в их угасающих телах...

Цепкая корольковская-бездомновская кровь не подвела Ивана Бездомнова и в бесприютной чужбине. Он уже женат, растит сына-казачонка. Извозная работа его четырех пар коней кормит его и дают возможность поддерживать бабушку и мать. Правда, хлопотное у Бездомнова занятие, но он сам себе хозяин.

Малоработная выдалась зима, а весною, когда пошли было работы, зарядили дожди, и разошлись в хозяйстве Бездомнова концы с концами. В эту весну ему особенно много пришлось бегать в суете, обезпечивая коням Работу на все лето ...

Усталый голодный и хмурый вернулся он в этот вечер домой. Подав ужин, жена сказала, что лавочник требует уплаты долга, а налоговое ведомство требуетъ взнос. Это были кредиторы Бездомнова с одной стороны.

Но была у Ивана Бездомнова и другая забота: Он был видным членом казачьего национально освободительного движение и все помыслы о лучшей доле Казачества были связаны с этой идеей. Дело было организационо молодое, хромала материальная сторона. На свои средства развивали пропаганду молодые казачьи патриоты, а у казака изгнанника известо какие деньги — тот работу потерял, у того жена заболела, у другого ребенок родился, у третьего умер, тому жене обновку нужно справить, иной мало зарабатывает, а то и совсем ничего! . . .

Выросший в среде и в условиях, где он не привык дрожать над копейкой, к тому-же захваченный идеей национальной свободы для своего народа. Иван Бездомнов далеко больше других нес расходы, Если говорить правду, в данный период дело держалось и кое как двигалось только благодаря жертвенности Бездомнова.

Еще сегодня он получил на работе записку от редактора их партийного журнала, который писал: „Иван Иванович, лежит заделанных двадцать журналов для посылки заграницу, лежат запечатанных пять писем (все важные), нужно бы купить матрицы для следующего номера, вдобавок крышу бумажную ветер снес. А соратники наши, пользуясь расстоянием, молчат. В этом месяце еще никто ничего не прислал! Дело стоит. Не могли бы еще помочь?".

Это был другой кредитор Ивана Бездомнова. Как было не удовлетворить его теми 50-ю кронами, которые на счастье задержались и которые могли быть уплочены лавочнику? . . .

„Эх, трудно без средств развивать националное дело! . . . Как маложертвенных людей! Выдет ли при таком отношении из нашего дела толк?... Не зря ли бьемся? — горестно думал Бездомнов, в дурном настроении ложась спать . . .

Сон долго не приближался к нему. Все-то он ворочался и переворачивался. На минутку всхрапнув, тот час-же просыпался, нашаривал на стуле папиросницу и сверкал зажигалкой. Только далеко за полночь сковал его сон . . .

Была еще предутренняя ночь, кога Иван Бездомнов внезапно проснулся, встал с постели, щелкнул выключателем, достал из кармана тужурки записную книжку, наскоро что-то записал и, потушив свет, лег обратно.

„Бедный Ваня что-то забыл сделать, теперь только вспомнил и записывает" — подумала с жалостью проснувшаяся жена . . .

Дней через десять, когда Иван пришел домой на обед, жена с горестью сказала: „Знаешь, Ваня, умерла твоя старая бабушка Феодосия Даниловна — и протянула ему письмо, написанное знакомым почерком матери.

„Ага, я это знаю" — проговорил в ответ Иван и, вынув записную книжку, поднес к глазам жены наскоро заполненную страницу:

„В ночь под 20-е апреля снилась мне бабушка. Она куда-то уезжала и пришла со мною проститься. Уходя, она указала пальцем на восток и сказала: „Иди, иди, Ваня, служить Дону. Я приказала оседлать тебе твою любимцу „Фантазию". Я думаю, что в эту ночь умерла моя бабушка Феодосия Даниловна и сказала мне свою последную волю"—читала изумленная жена . . .

Культурная работа казаков емигрантов.

„И пойдет дыбом слава о них по всему свету" (Гоголь).

Не мало уже писалось о казаках эмигрантах в заграничной русской, казачьей и иностранной прессе. Там казачий хор своими песнями зачаровывает публику и пишут о нем чудные отзывы; там джигиты своею ловскостью и неустрашимостью приводят в восторг многотысячных зрителей, и газеты опять восхваляют казачью лихость.

Не мало уже появилось среди Казачества лиц, владеющих пером, произведения которых заставляют обращать на себя внимание, но не мало еще есть казачьих культурных труженников, о деятельности которых, по той или иной причине, мало кто знает. Но так или иначе, а все эти культурные труженники своею деятельностью показывают, что Казачество народ культурный, а не полудикий как писал о казаках г. Ерио после своей поездки в СССР и как вообще сложилось мнение заграницей о Казачестве в прошлом.

5-го июля с. г. я утром приехал в Сплит и прямо с поезда попадаю на музыкальное утро частной музыкальной школы кубанца генерала *Н. Л. Закладного.*

Зал переполнен родителями учашихся и посторонней публикой. 70-ти летний старик Н, Л. Закладный, дающий уроки музыки на скрипке и виолончели, и его дочь Л. Н. Закладная—Весновская — учительница на клавире, заметно волнуются; да и нельзя не волноваться: ведь сейчас перед публикой они будут показывать результаты своей работы.

В 9 часов утра на сцену выходят две крошки: мальчик в коротеньких штанишках с игрушечной скрипочкой в руках и девочка малютка. Девочка делает книксен, а мальчик смешным детским кивком головы — по утиному — приветствует публику.

Девочка взбирается на стул перед роялем, под ноги ей подсовывают скамеечку. Малютка-пианистка ударяет пальчиком по клавишу „ля", мальчик тихо проверяет скрипочку. Этими первыми „артистами" была исполнена славянская песенка „ой славяне". Исполнители были награждены аплодисментами.

Вторая точно такая-же пара исполнила русскую песенку: „ах ты воля, моя воля": Были солисты и на рояле, Все это дети, начинающие учиться музыке.

Но вот на сцену смело с милыми улыбками вышли друг на друга похожие, в одинаковых платьицах две девочки; одна из них (11 лет) со скрипкой. а другая (12 л.)) села за роял. Само собою разумеется, я приготовился прослушать обыкновенную детскую ученическую игру. Но не тут то было! Забегали пальчики по клавишам рояля не по детски, не по ученнически. После паузы поднялась рука со

смычком у скрипачки с правильным изгибом киски, исчезла улыбка с ее личика, и полились чарующие звуки „концерта А — толь“ Виотти. Плавно и уверенно ходит смычок по струнам, то бегают, то скользят по грифу пальчики, скрипка приросла к плечу и подбородку юной скрипачки, а звуки, то усиливаясь, то стихая, льются наполняя зал своей мелодией и зачаровывая публику. Гром аплодисментов был наградой юным артисткам. Это были две сестры: Кети (скрипачка) и Милена (пианистка) — Тадич.

На сцену выходят ученники школы все покрупней и музыка становится сложней. Был исполнен квартет Моцарта (1-я скрипка К. Тадич, 2-я Л. Тудоч, альт 9 лет, и И Тадич и виолончель 10 лет В. Фальцфейт).

Но вот на сцену вышла скромно одетая в темное платье девушка подросток со скрипкой. На рояль села уже знакомая нам Миленка Тадич. Пробежали пальчики по клавишам и замер последний аккорд инпродукций. Тишина. Коснулся смычек струн и полились за душу хватающие звуки. Я не успел посмотреть в программу, что исполняется, но сама музыка унесла меня в безпредельные просторы степей, туда. „где ветерок стапной ковыль колышет“, где „о старине поет слепой Грицько“.

А скрипка плачет, аккомпанимент рояли усиливает минорный тон музыки. Что-то родное закрадывается в душу, и на глазах появляются непрошенные слезы. И что же? Оказалос молодыми артистами была исполнена „Думка“ Завадского. Исполнительницей этого чудного произведения на скрипке была ученица К. Миаковац, которая с таким большим искусством передала музикальную фразировку. Долго не смолкавшие аплодисменты были наградой исполнителям.

За рояль села девушка в белом платье Е. Орник. Исполнила она „Rondo Capniaciolo“ Мендельсона. Техника и легкость игры были поразительные. Дай Бог, чтобы ученики консерватории могли так передать музыкальную фразу, как передала ее ученица Л. Н. Закладной Весновской.

Вслед за Орник выходит скромно одетый молодой человек со скрипкой. За рояль садится сама учительница Л. Н.

„Ну - думаю-это будет что - то особенное“. Спешу посмотреть программу; там значится: Sarasatl. Csgancke melodije“, исполнит ученик скрипач М. Николанци, и я не ошибся: как скрипач так и аккомпаниаторка в исполнение этой трудной, но чудесной мелодии вложили свои души и зачаровали слушателей. Скрипка то рыдала на струнах „соль“ и „ре“, то соловьиной трелью сыпала на струнах „ля“ и „ми“. Переходы были ужасно трудны, но скрипач артистически справился с ними, точно передавая цыганский темперамент, то беспредельного веселья, то безысходной тоски. Буря долго несмолкаемых аплодисментов принудила скрипача еще раз появиться на сцене.

Музыкальное утро закончилось квинтетом Шумана „klavir kvlntett“. За роялем в этом квинтете была Ф. Тадич, старшая сестра брата и двух сестер Тадич. Удивительно музыкальная семья! Не могу не отметить, что все солисты, как на скрипке так и на рояли, от мала до велика, исполнили свои номера наизусть.

Учителям — Н. Л. Закладному и его дочери Л. Н. Закладной—Весновской от учеников и их родителей было поднесено масса букетов живых цветов. Родители, долго не оставляя зала, благодарили их за уменье и труды, положенные ими при обучении детей музыке.

КУЛЬТУРНОЕ УТРО
частной музыкальной школы кубанца ген. Закладного в Сербии.

Результаты этих трудов были налицо: школа в течение 3-х часов дала возможность лицам, посетившим музыкальное утро, оторвавшись от житейских забот, отдохнуть душой.

А сколько учеников школы Закладных за 16 лет разбрелось по белу-свету? Одни добывают уже себе этим искусством кусок хлеба, другие, более обеспеченные, в часы досуга развлекают себя и своих близких, а четыре ученика продолжают начатое у Закладньх музыкальное образование в консерватории.

И так незаметный труженник казак-кубанец и его дочь, волею судьбы заброшенные в небольшой город Сплит на берегу Адриатического моря, вот уже 16-й год ведут сред местного населения свою культурную работу, снискивая этим себе и кусок насущного хлеба, любовь и уважение города, и доказывая, что и казаки занимают не последнее место среди народов культурного мира.

Слава казачеству.

Я. Лопух.

Новый „спаситель“ России

Счастливое это государство-„Единая, Неделимая Россия“, существующая больше в проэкте и в нездоровом воображении людей, в своих эмигрантских чуланах тешащих себя губернаторскими мундирами. Очень много слуг и защитников оно имеет. А в первом ряду этих „героических“ защитников непременно стоят ренегаты и отщепенцы всех народов: грузин Джугашвили, еврей Валлах, болгарин Димитров, азербейджанец Казем-бек и т. д. и т. п.

Но вот ряды этих „борцов“ за Россию пополнился новым членом. В Болгарии появился некий Солоневич, петнадцать лет не за страх, а за совесть помогавший Сталину поставить и организовать в СССР спортивное дело

Не успел появиться, как сейчас же взвалили на свои плечи задачу спасения России, а для этого начал издавать газету „Голос России.“ Сотрудничают в ней семья Солоневичей, ибо в отношении статьи чуть ли не единственного “инородного“ сотрудника газета Шульгина сделана большая оговорка. Отныне, можно сказать, дело спасения России в шляпе: за него взялось целое генеалогическое дерево Солоневичей-бывш. Белоруссы.

Дело это нас не касается, мало оно нас интересует, Мы прошли бы совсем спокойно мимо этой газеты. Но беда в том, что каджый „спаситель“ России считает своим непременным долгом лягнуть казаков. Так и г. Солоневич в своей газете номер 2 свое жало направил в адрес Казаков-Националистов, пользуясь для этого журналом Казакия“ № 9-10.

В нем он нашел два страшных порока: а) журнал богатый хорошо издан, и потому, умозаключает он, выпущен на средства какого то государства, поддерживающего „предателей“-казаков самостийников (очевидно. судит по себе) Не хорошо (и б) журнал неграмотный, потому-де казачий поэт Егоров обкрадывает русскую культуру, присвоив, яко бы, стихотворение Лермонтова „Выхожу один я на дорогу.

Ответим ему по этим двум пунктам „обвинения“

Да будет вам известно, г. Солоневич что те тысячи честных и идейных казаков, что об'единены в Союзе Казаков-Националистов, издающем журнал „Казакия“, не являются политическими проститутками, продающимися на улице, подобно некоторым „спасителям“ России. Журналы „Казакия“, Ковыльные Волны„ и газета „Единство Независимость“ издаются исключительно на чистые и трудовые гроши честных вольных казаков, жертвенно служащих делу спасения своего родного, многострадального Казачества от изуверской власти ваших братьев, г. Солонивич! Ни одной копейки со стороны они не получают, Совесть их спокойна, руки их чисты!

Мы были бы рады, если среди ваших собратьев, г. Солоневич, нашлись такие жертвенно-любящие свою Родину, как казаки-националисты! Мы понимаем психологию и догадки разных Солоневичей. То, что делается казаками-националистами, есть совершенно исключительное явление в эмиграции, где нет ни одной почти организации, издающей свою гвзету, или „вождя“, работающих без посторнней помощи, без „субсидки“. Потому эти люди, с крепкой психологией наймитов, в лучшем случае чиновников, никак не могут понять и поверить, что казаки-националисты издают три печатных органа без всякой „субсидии“.

Но вера двигает горами. Казаки-Националисты, пламенно верящие в возрождение Казачества, исполняя долг перед своим народом, несут все жертвы на алтарь спасения своей Родины. Богатство журнала „Казакии“ в точности соответствует степени жертвенности казаков. И только.

Относительно же безграмотности скажем: ваша грамотность нам не нужна. Оставьте нас в покое с нашей „безграмотностью“. Это наша единственная просьба ко всем „спасителям“ России. Жили мы без вас, авось сумеем прожить и дальше. Боролись и умело защищали свое право вопреки вредительству „спасителей“, авось сумеем бороться и перебороть и теперь ваших братьев, Солоневич!

В вопросе грамотности мы с вами не спорим. В этом вопросе отдаем пальму первенства русским эмигрантам. Что же спорить против очевидности? Русская эмиграция состоит исключительно из образованых людей: профессора, адвокаты, врачи, генералы, губернаторы, градоначальники, сенаторы министры, охранники, пристава, графы, князья, принцы, принцесы. Словом, соль земли русской, мозг и нервы русского (великорусского) народа. А вот мы спросим вас: найдите-ка среди русских эмигрантов хоть одного русского мужика или рабочего. Днем с огнем не розыщите, ибо его нет. Русский мужик еврейские мозги предпочел вашим. В этом вся трагедия русских эмигрантов. Вся ваша грамотность ни к чему не годится, пока с вами не будет русского безграмотного мужика.

Казачья эмиграция отлична от русской, ибо казачий народ эмигрировал целиком. В массе она, конечно, менее грамотна, чем русская эмиграция, хотя в ней есть и интеллигенция но основу ее составляет самый простой народ, почвенный, малограмотный, но за то физически здоровый, морально крепкий. Поймите вы, г. Солоневич, эту огромную социальную разницу между эмиграциями русской и казачьей. И когда неосторожно поднимаете вопрос о „безграмотности“ казачьей эмиграции, имейте в виду своего „грамотного“ мужика.

Казаки „обокрали“ русских, Егоров присвоил стихотворение Лермонтова. Это-старая русская шпаргалка; „Караул, грабят!„ кричат они всюду, подтверждая лишний раз поговорку-„На воре шапка горит“.

„Бедные“ русские люди! Все и всюду их „грабят“!

Вот этот маленький израильский народ отнял у них, несравненных русских людей, „Великую, могучую Россию“ и без затруднения ее, православную, безнаказанно превратил в безбожный стан.

А вот эта какая-то „голодранная Польша“ присвоила себе „искони русские земли“. Там Финляндии удалось завладеть „русской тарриторией“. „Несчастные прибалтийские букашки-лимитрофишки“ тоже отхватили „искони русские земли“.

А тут „предатели“-Казаки, Украинцы, Горцы, Грузины, Армяне, Азербейджанцы, Туркестанцы, народы Сибири тоже стремятся „присвоить себе искони русские земли“.

Словом, форменный грабеж среди бела дня! Подумайте, люди православные что же эти „варвары“ хотят сделат из „Единой, Неделимой“?

Ответ очень прост и справедлив: каждый должен взять только свое и не больше. Только Великороссия получит на мумию Ильича больше, чем другие. И никто это добро у нее, надо полагать, оспаривать не будет, ибо это неоспоримое богатство великороссов.

Возвращаясь к плагиату, якобы, совершенному Егоровым, скажем, что в данном случае г. Солоневич, по русской привычке, что называется, переборщил, рубанул, так сказать, сплеча, положившись на свой русский авторитет. Многие из этих русских господ живут по правилу-„кто смел, тот два с'ел“, или по завету их Ильича-„лги больше, авось что-нибудь да останется“. Так точно поступил и Солоневич, категорически заявив, что Егоров присвоил лермонтовское стихотворение. Кто там будет проверят, кто там помнит наизусть это стихотворение? А печат литературного вора может остаться на казачьем поэте Егорове.

Между тем, утверждение Солоневича, мягко выражаясь, не соответствует действительности. В стихотворении Егоров единственная начальная строфа совпадает со стихотворением Лермонтова, а все остальное содержание также далеко от содержания последного, как далек Солоневич от истины. И в этом совпадении одной начальной строки, по нашему, нет ничего удивительного, ибо люди, говоря и творя на одном языке, просто в силу ограниченности человеческого лексикона, по разному выражая свои думы и мысли, часто пользуются выражениями и фразами, уже в литературе существующими. Подобные повторения, или по Солоневичу плагиат, неизбежны.

Мы считаем Солоневича очень образованым человеком, но посмеет ли он сказать, что в его писаниях не повторяются те или иные выражения и фразы Толстого, Пушкина, Достоевского. и т. д.?

Больше того, посмеет ли Солоневич утверждать, что прославленный русский баснописец Крылов в свое время обокрал французского баснописца, Ля Фонтэна, жившего и творившего свои басни за сто пятьдесят лет до Крылова? Между тем и у Ля Фонтэна и у Крылова есть много совершенно тождественных басен. Как это случилось?

Нехорошее это свойство-замечать сучок в чужом глазу, не обращая внимание на бревно в своем.

С. Савельев.

10 июля 1936 года. Париж.

Ввиду того, что плата за журнал есть не только единственное вознаграждение нашему редактору за его труды, но и единственнй его заработок на жизнь вообще, то большая просьба к нашим читателям — аккуратнее расплачиваться за полученные экземпляры, дабы редактор мог нести свою работу. Adres; Balykov, Ruzova Dolina, 199. Bratislava. Tchecoslovaquie

Ко всем казакам — националистам, ко всем сотрудникам журналов: „Вольное Казачество“ „Каз. Воля“ и „Казакия“

Братья станичники, в то время, когда международные события развертываются с невероятной быстротой, когда воздух наполнен огнем и пороховым дымом, нам бесконечно ссориться весьма неразумно да и нет времени этим заниматься.

Казакам—Националистам необходимо обуздать раздраженные чувства, определить цену проделанных работ, измерить об'ем предстоящих, которые мы должны выполнить для того, чтобы достигнуть свободы Родины.

Знаем мы, что путь к вражде путь легкий и широкий, чтобы идти поэтому пути, мудрости не требуется. Но путь ведущий к миру, путь трудный, но он преодолимый, если враждующие сумеют удержать лишнюю злобу сумеют разумно руководить своими чувствами, сумеют волей подавлять гнев, а интересы общего дела поставят выше интересов личных. Обсыпать друг друга бранью не мудрено. Когда раскол налицо, потасовка пользы не принесет. Если же между нами имеются беспокойные люди, которы перебранку считают почетным делом, то это, конечно, дело их взгляда, но и в этих случаях следует соблюдать меру приличия, если не к отделным. лицам, то хотя бы к тому народу, который не меньше принимал участие в борьбе с большевиками, крещен тем же огнем, мечем и кровью, за общую Родину — Казачьи земли. Неужели кровь пролитая Калмыцким народом, ныне превратилась в грязь? Дон не может обесценить кровь, пролитую Калмыцким народом на Донской земле, сражаясь как за свою дорогую Родину в течение 250 лет. Если г. Балинов оскорбил г. Билого, а г. Алифанов оскорбил г Чебурашкина, а г. Чебурашкин вздумал реваншировать и за себя и за г. Билого то причем же здесь Калмыцкий народ? Нет браты, соперничая в перебранке лично между сооою, оскорблять целый народ не годится. Мы не должны так строго расценивать тот случай, кто и въ каком году прибыл из СССР, а наоборот, кто и как борется за Казачью Волю.

Станичники, не вооружайтесь враждой, не бросайте друг в друга язвительных стрел, ибо такой способ борьбы за нашу Свободу мало полезен. Только что парадуешься наступившим затишьем, как вдруг начинается новая потасовка, то припоминается старая, как бы по чьему то заказу, чтобы нарочно подогревать вражду и ненависть в наших рядах.

К вам родные братья сторонники Игнага Архиповича Билого, быть может проклинающим меня, обращаюсь я: мира и об,единения хотите ль вы, или смертоносной, между нами борьбы? Если вы жаждете об'единения и мира, то не следует вам козырять условиями победителей, т. к. кто победитель и кто побежденный вопрос спорный и разрешать его путем скрежетания зубами нельзя.

Подняли мы Национальное знамя не для войны между собою, а чтобы общими силами восстановить независимость **Казачьих Республик**. БратьяКазаки, мы обрекли себя в жертву Свободы, а потому не забывайте и того, что мир и об'единение между нами обуславливается не криком и ругней из массы, разбросанной по всему миру, а совершенно иным способом. Вам хорошо ведомо что фронт Казаков Национа листов выравнен, боеспособность сохранена, дислозиция дана, так для чего же вы призываете нас в подчинение, да еще безоговорочное? Вы требуете моральных анексий и контрибуцнй, а мы их и не требуем и никому не даем.

Не подчиниться мне призываю вас, а подчиниться голосу порабощенной Родины и перестать углублять взаимную ненависть.

П. Кудинов

Белоруссах

Как известно, белоруссы являются одними из старых народов славянской семьи. В древности они были известны под именем — кривичей. Народ этот, еще задолго до появления на исторической арене России, представлял из себя отдельное, самостоятельное, для своей эпохи культурное и солидное государство. Достаточно указать, что оно сумело сохраниться, не входя в сферу подчинения и влияния монгольских завоевателей.

Когда русский (великорусский) народ монгольско татарскими административными мерами организованный и об'единенный в одно государственно целое — в Россию, вышел наконец из-под власти татар, начинается периодъ конфликтов и столкновений между белоруссами и русскими, Белорусско-Литовским княжеством и Россией.

Борьба эта протекала в чрезвычайно неблагоприятных условиях для белоруссов: наряду с борьбой против Москвы, переживали период внутренних религиозных войн, одновременно противодействуя напору со стороны Польши. . .

175 лет длилась эта драматическая и героическая борьба, и только в конце 18-го века она кончилась подпадением Белоруссии под власть России.

Судьба белоруссов с этих пор не многим отличается от обычной судьбы многих иных народов, покоренных Россией. Уничтожение национальной армии, обезглавление народа путем уничтожения или отрыва от него национальной аристократии и интеллигенции, разрушение национальной общественности, закрытие государственных учреждений и институтов, школ, печатных органов, языковые ограничения, экономическая эксплоатация и вместо всего этого насаждение и культивирование русского-было уделом и белоруссов.

Результатом всех этих мероприятий, как и у других закобаленных народов, было то, что к 1917 году все белорусские физические и духовные силы шли на пользу Руссйи, интеллигенция стала слугою империи и лишь в небольших ее кругах сохранились искры националного самосознания.

Но стоило только вспыхнуть революции и пасть Российским оковам, как искры эти стали превращаться в пламя национальной Свободы. В декабре 1917 года был созван Всебелорусский Конгресс из 1782 уполномоченных! . . . Этот Нац. Белорусский Конгресс превозгласил самостоятельность Белоруссии.

Само собою разумеется, что возникла борьба с тогдашней русской центральной властью /упорная кровопролитная борьба кончилась в феврале 1918 года полным изгнанием русских сил из Белоруссии. Но, выиграв войну, белоруссы потерпели политический неуспех на международной арене: Версальская Мирная Конференция не признала Белоруссии самостоятельным государством. Предоставленная самой себе, очутившись в огне войн и возбужденных аппетитов всех соседей белоруссия была разодрана на четыре части между четырьмя соседними государствами-СССР., Литвой, Латвией и Польшей. Во всех этих частях былой Белоруссии, разумется, проводится интенсивная денационализационная политика. . .

Таким образом, национальный вопрос белоруссов представляется самым трагическим и самым сложным, чем у какого-лиоо иного закабаленного народа. Сегодняшнее положение Белорусского народа напоминает предвоенное положение Польского нярода. даже гораздо хуже.

Но, тем не менее, существует белорусское национальное движение. Эти белорусские националисты, признавая за всеми своими большими и малыми соседями права анексии, стремятся к государственной независимости Белорусского народа Наряду с разными ренегатами, работающими уже в пользу того или иного народа-закабалителя, (вроде семьи Солоневичей, издающих „Голос России“), есть самоотверженные и бескомпромисные белоруссы-националисты. В эмиграции их возглавляет бывший Председатель Рады Белорусской Народной Республики **В. Захарко.** Печатным органом Белорусского Национального Движения является литографированный журнал „ИСКРЫ СТАРИНЫ“. **ЛЫКОВ Б.**

Сила не есть в количестве орудий, а прежде всего, в организации разума.

Ив. Мимоходов (Париж)

Похоронное бюро

Если вам грустно, если вы во власти хандры, если вами овладевает черная меланхолия, читайте „Атаманский Вестник". Некоторые в этом случае советуют выпить пары две стаканов доброго вина, иные-принять слабительные пилюли. Нет, читайте „Атаманский вестник".

Тоску, как рукой, снимет.

Полезное издание. И еще находятся казаки, которые говорят, что гр. Граббе не выполнил своего обещания, что он занимается только мелкими интригами, что он за годичное атаманство ничего, кроме конфуза, для казаков не сделал.

Неправда. Полезный человек гр. Габбе. полезный особенно в черные дни нашего безвремения, в тоске, среди которой мы живем.

В цирке, когда зрителям станет жутко от головоломных акробатических трюков, вдруг появляются клоуны Бим и Бом в пестрых костюмах и своими забавными шутками вмиг прогоняют из вашей груди только что пережитую жуть и восстанавливают ваше душевное равновесие

Так и гр. Граббе. Сколько он сотворил за прошлые месяцы смехотворных, забавных шуток-трюков на казачьей бытовой и политической сцене. Что ни день, то нечто новое-то „звездная палата", то „совдепы", то „парламенты из десятка цирковых статистов".

Все эти забавные каррикатуры впору незабвенному клоуну Дурову . . .

Возьмем хотя бы № 3 „Атаманского Вестника". Забавный номер. С первых же строк вы приходите в веселое настроение: меланхолии как не бывало.

Читаем: „учреждается Донское Представительство" и дальше - имена рек шестерки: ген Черячукин и Ко.

Вы заинтересованы, Донское Представительство . . . очевидно, их куда-то посылают, это какая-то дипломатическая миссия: то-ли к Негусу Абиссинскому, то-ли к Шаху Персидскому, то-ли к Президенту Американскому, как пятнадцать лет тому назад советовал ген. Краснов, что бы получить от него несколько Ноевых Ковчегов с чистыми и нечистыми животными и с американскими звездными флагами, под сенью которых мы могли бы возвратиться в Родные Края . . .

Ваше воображение разыгрывается „Да, думаете вы, затеяно нечто новое. Долго готовился Донской Атаман гр. Габбе и, наконец, отлил пулю, которая поразит его врагов".

И, действительно, отлил пулю.

Оказывается, что это „Представительство" будет представлять его же, Атамана, в его же канцелярии. Слыхали-ли вы, читатели, нечто подобное где либо? Скажем „Представительство" Английского Короля, представлющее его же и в его же канцелярии. Это конечно-же абсурд, самая детская безграмотность

Но, ведь, и соль-то шуток клоунов Бим и Бома или Дурова заключалась в кривых изломах действительной жизни, отраженной в „Кривом Зеркале".

Да, не по своей дороге пошел гр. Граббе, делая военную и административную карьеру . .

Читаем дальше и видим что клоунада этим не ограничивается. Кроме представительницы-шестерки, назначается совет из станичных и хуторских атаманов Парижского района. Для чего? Но, тут уже пахнет тем, что называется „танец на могилах". Шутка принимает трагический привкус смерти-трагический и жуткий, Совет-совдеп должен заменить гр. Граббе на случай его смерти.

А все вместе составляют Похоронное Бюро. тем более, что г. Черячукин-специалист по похоронной части.

Итак, Донской Атаман, гр. Граббе, создал Похоронное Бюро, которое должно представлять Донское Казачество на похоронах Атамана и, очевидно, должно позаботиться и о похоронах Казачества.

Восемь месяцев трудился Донской Атамана, гр. Граббе, совместно с генералами: Красновым, Черячукиным, Зубовым, Позднышевым и пр. над вопросом, как бы получше, побольнее ущемить это „ненавистное казачье народоправство", эти „треклятые Основные Законы", созданные какими то там казачьими представителями вопреки генеральской воле и не во вкусе генеральском.

И придумали: Вместо Донского Правительства, как это предписывается Основными Законами, решили образовать. . . Похоронное Бюро.

Ни знаменитые клоуны Бим и Бом, ни талантливый Дуров не сумели бы придумать ничего более каррикатурного, более забавного. Можно сказать-увековечили свое имя и имя Донского зарубежного Казачества в истории.

Слава нашим почтенным и талантливым законотворцам!

В конце-концов, нужно сказать, какое убожество мысли, какое у богое и каррикатурное законотворчество.

И это . . . „вожди"!

Хотели больно укусить вольное, свободное Казачество, а получился укол мухи.

Нет, как бы вы, милые генералы, ни стремились угробить его, даже с помощью ваших похоронных бюро и при содействии ваших московских друзей, вам это не удстся. Казачество выживет: слишком много в нем жизненых сил. Настанет моменти он близок-когда Казачество стряхнет с себя все приставшие к его телу болячки и встанет во весь ростсильное, гордое, вольное, независимое, а всем похоронным учреждениям найдет подобающее место , . .

P S. Нельзя не обратить внимания на виньетку, помещенную на первой странице „Атаманского Вестника" как раз над распоряжением Атамана об учреждении „Похоронного" Бюро" В медальоне вы видите старую до-петровскую и прекрасную по смыслу эмблему Донского Казачества-„бегущего оленя с воткнувшейся в его спину стрелой" Эта эмблема говорит, что „как бы ни был быстер олень а казачья стрела его догонит". Петр I эту эмблему уничтожил, с очевидной целью издевательства над Казачеством и заменил ее новой-пошлой и позорной-голым, пьяным казаком, сидящим на бочке.

В медальоне виньетки видны и старые символы атаманской власти-бунчук, насека и булава,-там же и казачьи пики. А над медальоном, включающим оленя и знаки атаманского достоинства, помещен восьмиконечный крест, какой ставится на могилах Эта очень откровенная и многозначительная демонстрация ясно хочет сказать, что старое, вольное Казачество, да и Качество вообще умерло, оно похоронено; и над ним водружен уже и крест. Нельзя придумать более удачной виньетки к учреждению „Похоронного Бюро", да и вообще ко всей деятельности Донского Атамана гр. Граббе,

Скажем одно казачьим гробокопателям: „Рано пташечка запела как бы кошечка не с'ела".

И. М.

---

[1]) Статья эта была напечатана в „Дневнике Казака", издаваемом Лигой Возрождения К ва, в сокращенном виде. Автор статьи прислал ее нам с просбой напечатать целиком, что мы и делаем. Редакция

Неправильный вывод

В одном из предыдущих номеров „Казакии" была напечатана маленькая заметка о случае приветствия ген. П. Х. Поповым добровольцев. Заметка эта была основана на информации газеты „Посл. Новости", которая, как потом выяснилось, была, ложной. Получив правдивое освещение случая (которого было), редакция сочла себя морально обязанной дать исправление. В этом порядке была в следующем номере дана место заметке Балинова.

Другой раз группа вольных казаковъ из гор. Луцка прислала материал, направленный против личностей и деятельности станичников Штовханя и Чебурашкина. Не считая возможным затыкать рот целой группе казаков, редакция дала место этому материалу. После появления его, наш старый сотрудник ст. Еремеев прислал статью в защиту ст. Штовханя и Чебурашкина.

Оставаясь беспристрастной и об'ективной, редакция сочла себя морально обязанной дать место и этому материалу, оставляя ответственность за фактическую сторону материалов всецело на их авторах.

Эти два случая (помещение нами в разных номерах разноречивых материалов) редакция журнала „Казачья Воля" в №-4 истолковывает как доказательство того, что редакция

„Казакии“ или не помнит — что писала по тому же вопросу в предыдущем номере, или полагает, что этого не помнят читатели.

Вывод редакции „КВ“ в корне неправилен. Эти два случая свидетельствуют о том, что редакция „Казакии“ старается остаться беспристрастной и об'ективной, что она предпочитает исправлять неточности и предпочитает двустороннее освещение вопроса, нежели одностороннее.

Принимая во внимание начавшуюся кампанию „Каз. Воли“ против „Казакии“, редакция ее во всеуслышание заявляет, что против редакции „КВ“ она ничего не имеет и никаких неприязненных чувств не питает, а наоборот желает ей расцвета. Ссориться нашим двум журналам не из-за чего.

Если „Каз. Воля“, тем не менее, будет повторять свои вылазки против „Казакии“, то вольные казаки должны помнить, что „Каз. Воля“ является подсобным органом „походного“ и что редакция этого органа в своем поведении не всегда самостоятельна, и все будет понятно без слов. А спорить с „КВ“ мы не желаем.

А. Л. Лысенков.

Из Французской провинции

На берегах Лауры расположен г. Орлеан, именем которого названа французская национальная героиня, Жанна д' Арк, так самоотверженно защищавшая свою Родиину от поработителей.

В этом городке и его глухих окрестностях обосновалось небольшое количество казаков разных Войск, также в свое время самоотверженно защищавших свои родные Края от красного наплыва, вместе с тем, оградившие Европу от коммунистической волны 1918-20 годов.

Большая часть этих казаков работает на фермах и только незначительная часть устроилась в самом Орлеане на фабриках и заводах. Среди них есть даже счастливчики, благодаря примерному поведению, трудолюбию и казачьей сметке из простых рабочих достигшие таких сравнительно высоких постов, как шеф бюро, шеф гаража и т. д.

И работающие на фабрике и работающие на фермах, несмотря на разность положения, все живут очень дружно живо интересуются казачьими вопросами, пристально следят за всем тем, что происходит в мире политическом. К сожалению, к ним никто не приходит с братской помощью с правдивой информацией о происходящем в мире.

Выборы Донского Атамана, на которые, благодаря предвыборным посулам, возлагались большие надежды, на миг всколыхнули казачьи сердца, но последовавшие, затем,

Члены Сливенской Нац, Каз. Станицы с лево на право: А. М. Коновалов, П. Н. Кудинов, М-м Лидия Коновалова с сыном. Стоят: Ат. ст. Д. Ф. Князев, Коренюгин, М. Бакланов.

„Атаманские действия,“ вернее, бездействие, привели казаков к глубокому разочарованию. Некоторые казаки так даже спрашивают: не убег-ли Граббе из Франции, штой-то ни слуху, ни духу о нем.

Здешние Казаки имеют свою станицу с центром в Орлеане. Изредка молодой и энергичный Атаман станицы собирает казаков на сбор, где и обсуждаются разные казачьи вопросы и станичные дела. Как и на всяких собраниях, здесь по тому или иному вопросу происходят горячие дебаты, кончающиеся всегда здравицей за Тихий Дон, Вольную Кубань, Бурный Терек и вообще за все Казачьи Войска.

По окончании станичных дел, казаки дружною семьею во главе со своим бравым Атаманом, идут в местный ресторан, чтобы за кружкой пива, в вольной, непринужденной обстановке вспомнить о делах дней минувших, о славе казачей о подвигах предков — вольных казаков. Вспоминают и воскрешают эпизоды той героической борьбы, которую Казачество вело с русскими красными палачами за свой родной порог, за честь казачью неподкупную, за степи привольные, за реки многоводные, да славу отцов и дедов, и вообще за все родное Казачество.

Эти частые встречи, общая беседа, любовное воспроизведение картины родной старины, поддерживают старую казачью традицию, укрепляют естественную казачью спайку-поддерживают бодрость духа. Эти встречи и беседы оживляются неизбежными казачьими душещипательными песнями, которые подхватываются всеми присутствующими казаками, В такие дни в городе Орлеане долго льются казачьи песни одна красивее другой и кажется, что им не будет конца. Иногда казак, принесший трехрядную гармонь, с согласия и благословения Атамана, заводит казачью плясовую — „казачка“. Раздвигаются столы, вылетают бравые молодые казаки, которые в этом танце показывают природную казачью лихость и казачье искусство. Даже старый казак Х. глядя на этих молодых танцоров, не выдерживает и, тряхнув стариной, проходит в присядку от одной стены к другой.

Кончаются танцы, умолкает казачья песня и казаки чинно расходятся и раз'езжаются по домам до следующего сбора.

Так живут казаки в Орлеане, злой судьбой заброшенные в эту французскую провинцию и казачью шашку и бешметы заменившие синим рабочим костюмом и рабочим станком.

В Париже много казачьих благодетелей, на парижских подмостках распинающихся за интересы казаков, Казачество. Много этих „вождей“ — профессоров и генералов от армии и от политики. Но когда побываешь в такой провинции среди казаков, забытых „центрами“, предоставленных собственной участи, когда видишь их любовь к своему казачьему, их тоску по родному Казачеству, то становится стыдно и больно за тех наших „вождей“, жонглирующих на парижских подмостках, которые, вместо работы на пользу Казачества, при крываясь красивыми словами, больше пекутся о своих собственных эгоистических интересах.

Но Бог не без милости, казак не без счастья. Имело Казачество в прошлом не мало предателей из своей среды но оно осталось живо и будет жить вечно. Есть еще порох в пороховницах, не иссякла казачья сила. Это дает нам веру, что в ближайшем будущем возродится Казачество и зажи вет своей вольной, ни от кого независимой, жизнью.

Да, здравствует Союз Казачьих Войск. Да здравствует Казакия!

А. Л. Лысенков

26 августа 1936 года. Париж.

Хроника

В украинском нац. органе „Наш Стяг“, издающегося в Чикаго, в ном. 33 от 15 августа передовица посвящена казакам-националистам, которая составлена в очень доброжелательных и теплых выражениях. В этом же номере Б. Гомзин дал обширную и об'ективную статью под заглавием: „Гетманское движение и организация казаков-националистов“. Обе статьи написаны под лозунгом: „Равный с равным и вольный с вольным“. Статья Б. Гомзина перепечатана в газете: „Украинский Работник“, издающейся в Канаде. Ширится и крепнет Казаче-Украинский фронт националистов.

РАЗЫСК

Гавриил И. Чекунов станицы Краснокутской, розыскивает племянника Федора Зах. Чекунова. Отозваться по адресу: Царь—Симеон № 5 гр. София.

Константин М. Киреев станицы Боковской, розыскивает Петра Егор. Кочетова. Отозваться по адресу: гр. В.-Тырново, ул. Торговска Петр Бобев, Кон. М. Кирееву.

Поступило на издание жур. „КАЗАКИЯ“

Михалинов —	Франция	126
Балинов	„	578
Избиенко	„	200
Хорунженко	„	130
От Казаков в Болгарии		262
	Всего	1296

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на литературно-исторический информационный журнал

КАЗАКИЯ — КОЗАКІЯ

Условия подписки	на 6 мес.:	на год.	отделного номера
Во Франции	12 фр.	24 фр.	2 фр.
В Чехословакии	30 к. ч.	50 к. ч.	5 к. ч.
В Болгарии	60 лева	120 лева	10 лева
В Румынии	80 лей	160 лей	12 лей
В Польше	8 зл.	15 зл.	1 зл.
В Германии	3 р. м.	5 р. м.	50 пф.
В Сев. Америке и др. странах.	1·50 долл.	3 долл.	0·20 долл.